

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРИЙМА Татьяна Ивановна

Выпускная квалификационная работа

**Фразеологизмы в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» и способы их
перевода на английский и сербский языки**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5713. «Синхронный перевод»

Научный руководитель:
профессор, Кафедра английской
филологии и перевода,
Третьякова Татьяна Петровна

Рецензент:
доцент, ФГБОУВО
«Санкт-Петербургский
горный университет»,
Спиридонова Валентина
Александровна

Санкт-Петербург
2022

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	7
1.1. Основные направления изучения фразеологии и определение фразеологической единицы.....	7
1.2. Классификации фразеологических единиц.....	9
1.3. Способы перевода фразеологических единиц в художественной литературе.....	16
1.4. Лингвостилистические особенности языка А.П. Чехова.....	22
1.4.1. Переводы произведений А.П. Чехова на английский язык.....	24
1.4.2. Переводы произведений А.П. Чехова на сербский язык.....	32
Выводы по главе 1.....	38
ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД» НА АНГЛИЙСКИЙ И СЕРБСКИЙ ЯЗЫКИ.....	40
2.1. Вводные положения.....	40
2.2. Группа фразеологизмов с оценочной функцией и способы их перевода на английский и сербский языки.....	42
2.2.1. Группа фразеологизмов с негативным значением и способы их перевода на английский и сербский языки.....	42
2.2.2. Группа фразеологизмов с положительным значением и способы их перевода на английский и сербский языки.....	54
2.2.3. Группа фразеологизмов с нейтральным оценочным значением и способы их перевода на английский и сербский языки.....	56
2.3. Группа фразеологизмов, выполняющих кумулятивную функцию, и способы их перевода на английский и сербский языки.....	59
2.4. Группа фразеологизмов, выполняющих фатическую и этикетную функции, и способы их перевода на английский и сербский языки.....	64

2.5. Группа фразеологизмов, выполняющих директивную функцию, и способы их перевода на английский и сербский языки	72
2.6. Группа фразеологизмов, выполняющих функцию номинации действий, и способы их перевода на английский и сербский языки	75
Выводы по главе 2.....	83
Заключение	86
Список использованной литературы.....	88
Список использованных словарей.....	93
Приложение №1	94
Приложение №2	96

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке о языке проблема перевода фразеологических единиц является одной из самых актуальных, о чем свидетельствует большое количество научных исследований, посвященных данной тематике. Исследователи сходятся во мнении, что наряду с реалиями фразеологические единицы представляют наибольшую сложность для переводчика.

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена специфике и способам перевода фразеологических единиц в пьесе Антона Павловича Чехова «Вишневый сад» на английский и сербский языки. Выбор в качестве темы исследования фразеологии великого русского писателя обусловлен тем, что А.П. Чехов является одним из самых известных и популярных иностранных авторов в английской и сербской культуре. Тема данной работы представляется актуальной еще и потому, что фразеология в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» до сих пор привлекала внимание исследователей лишь частично, в сопоставительном англо-сербском плане не анализировалась.

Цель настоящей выпускной квалификационной работы заключается в определении способов и специфики перевода фразеологических единиц в пьесе «Вишневый сад» на английский и сербский языки с точки зрения функционально-семантической и стилистической точности.

Для достижения поставленной цели в исследовании необходимо решить следующие задачи:

1. определить актуальные направления в области изучения фразеологии и фразеологических единиц;
2. дать определение фразеологической единице и выявить основные классификационные принципы;
3. на основании выделенных в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» фразеологических единиц провести их функционально-семантическую классификацию;
4. рассмотреть способы перевода выделенных фразеологизмов на английский и сербский языки;

5. определить соответствие функционально-семантического и стилистического потенциала в ИЯ и переводных языках;
6. выявить приоритетные направления перевода для достижения функциональной эквивалентности;

Объектом настоящего исследования являются переводы фразеологизмов в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова.

Предметом исследования являются определение функционального потенциала эквивалентности и адекватности перевода фразеологизмов.

Методы исследования: метод сплошной выборки материала, метод структурно-семантического, сравнительно-сопоставительного и переводоведческого анализа, метод количественного подсчета, метод дефиниционного анализа.

Материалом исследования послужили 42 фразеологические единицы из пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» на русском языке и 84 примера их перевода на английский и сербский языки, выполненные Констанс Гарнетт (1935) и Кириллом Тарановским (1967) соответственно.

Структура работы. Настоящая квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка словарей и приложения. Во введении сформулированы цель, задачи, актуальность и значимость работы, обозначены методы исследования. Первая глава посвящена проблемам изучения фразеологии и способам переводов фразеологических единиц в художественной литературе. Внимание уделено изучению фразеологического состава пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», существующим переводам этого произведения на английский и сербский языки. Во второй главе проведен сопоставительный и переводоведческий семантический анализ фразеологизмов оригинального и переводного текста пьесы «Вишневый сад», проанализированы способы перевода фразеологических единиц оригинального текста на английский и сербский языки с целью выявления их семантической и стилистической точности. В Заключении в обобщенной форме изложены результаты проведенного

исследования, указана перспектива дальнейшего изучения данного вопроса. Приложения 1 и 2 содержат список русских, английских и сербских единиц, анализируемых в работе с указанием страниц, а также графики, демонстрирующие процентное соотношение способов перевода русских фразеологизмов на иностранные языки.

ГЛАВА I. ПЕРЕВОД ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

1.1. Основные направления изучения фразеологии и определение фразеологической единицы

Фразеология является одной из самых популярных и активно развивающихся областей лингвистики. Сопоставительные исследования в рамках фразеологии играют важную роль для развития межкультурной коммуникации, отвечают на конкретные задачи теории и практики перевода, помогают понятию и восприятию другой лингвокультуры.

В современном языкознании существует целый ряд определений термина «фразеология», который переводится как «учение об оборотах речи» (от греч. *phrases* ‘оборот, выражение’, *logos* ‘понятие, учение’). Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю, термин «фразеология» определяется как «1) раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии; 2) совокупность фразеологизмов данного языка, то же, что фразеологический состав. Предметом фразеологии как раздела языкознания является исследование природы фразеологизмов и их категориальных признаков, а также выявление закономерностей функционирования их в речи» [ЛЭС: 560].

Родоначальником фразеологии считается швейцарский ученый французского происхождения Шарль Балли (1865-1947), который впервые выделил фразеологию как самостоятельный раздел лексикологии и определил, что «сочетания, прочно вошедшие в язык, называются фразеологическими оборотами» [Балли 1961:12].

В России фразеология как самостоятельная область языкознания начала формироваться после того, как В.В. Виноградовым были опубликованы работы «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946), «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947), во многом определившие дальнейшее развитие

фразеологии в российской науке о языке. Объектом фразеологии являются «выражения, которые лишь генетически, т.е. по своему происхождению, суть словосочетания» [Молотков 1977:15]. Эти выражения, согласно Б.А. Ларину, разложимы лишь «этимологически, т.е. вне системы современного языка, в историческом плане» [Ларин 1956:230].

Как известно, долгие годы среди российских ученых не было единого мнения относительно состава фразеологического фонда языка и определения категориальных свойств фразеологизмов. На сегодняшний день в российской лингвистике распространение получили две интерпретации фразеологии – «узкая» и «широкая». Ряд российских исследователей, таких как В.В. Виноградов (1977), Н.В. Шанский (1963), В.Л. Архангельский (1964), М.М. Копыленко (1972) и др. понимают фразеологию в «широком смысле» и относят к ее составу словосочетания, содержащего некоторые не переосмысленные лексические компоненты. К фразеологии в «широком смысле» многие исследователи относят пословицы, крылатые выражения, афоризмы или словосочетания типа *железная дорога*, *телефонная будка*, *коровье молоко* и др.

Другие ученые, такие как А.И. Молотков (1977), В.П. Жуков (1986), Н.Н. Амосова (1963), В.М. Мокиенко (2005), В.Н. Телия (1996) и др. придерживаются понимания фразеологии в «узком смысле» и относят к фразеологическому составу языка только определенные группы устойчивых словосочетаний. Под фразеологической единицей в «узком смысле» понимается «относительно устойчивая, воспроизводимая, раздельнооформленная единица языка, обладающая целостным или общеаналитическим значением и эмоционально-экспрессивной выразительностью» [Ивашко 1981:7]. Наряду с термином «фразеологическая единица» (ФЕ), в настоящем исследовании исключительно в стилистических целях используются синонимичные термины: фразеологизм, фразеологический оборот, устойчивое выражение.

1.2 Классификации фразеологических единиц

В лингвистической литературе представлены различные классификации фразеологизмов. Первая из них принадлежит В.В. Виноградову, который в зависимости от степени семантической слитности компонентов выделил три основных типа фразеологических единиц:

1. Фразеологические сращения, или идиомы – это немотивированные и непроизводные единицы, основным признаком которых является семантическая неделимость, не позволяющая вывести значение целой единицы из составляющих ее компонентов. Фразеологические сращения однородны со словом, лишенным внутренней формы. Они подводятся под грамматические категории как синтаксическое целое, как своеобразные сложные лексические единицы (*как пить дать, собаку съел в чем-нибудь, денег куры не клюют*).

2. Фразеологические единства – мотивированные единицы с единым целостным значением, возникающим из слияния значений лексических компонентов. Фразеологические единства характеризуются четырьмя существенными признаками: 1) переносным образным значением; 2) экспрессивной насыщенностью; 3) невозможностью замены синонимом ни одного из лексических компонентов; 4) потенциальным наличием синонимов для фразеологического единства в целом (*класть зубы на полку, из мухи делать слона, из огня да полымя, переливать из пустого в порожнее*).

3. Фразеологические сочетания – обороты, в которых у одного из компонентов фразеологически связанное значение, проявляющееся лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений (*страх берет, тоска берет, зло берет, зависть берет, смех берет и т.д.*) [Виноградов 1977:121-139].

Двумя десятилетиями позже классификация В.В. Виноградова была дополнена Н.М. Шанским, выделившим отдельно четвертый тип – фразеологическое выражение, которое от фразеологического сочетания

отличается тем, что в нем нет слов с фразеологически связанным значением. Согласно Н.М. Шанскому «фразеологическое выражение – это устойчивый в своем составе и употреблении фразеологический оборот, который не только является семантически членимым, но и состоит целиком из слов со свободным значением» (*волков боятся в лес не ходить, любви все возрасты покорны*) [Шанский 1996:69].

Согласно Н.М. Шанскому и В.В. Иванову, с точки зрения эквивалентности какой-либо части речи фразеологические единицы, можно разделить на семь основных групп. В приведенной ниже классификации, там, где это представляется возможным, приводятся отобранные для настоящего исследования примеры фразеологизмов из пьесы «Вишневый сад» А.П. Чехова:

1. глагольные: *отвести глаза, сорить деньгами* («Вишневый сад»);
2. субстантивные: *персона нон грата, синяя борода*;
3. наречные: *с первого взгляда, не в охотку* («Вишневый сад»);
4. адъективные: *кровь с молоком, чистой воды*;
5. междометные: *Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!* («Вишневый сад»);
6. модальные: *Как бы не так! К слову сказать*;
7. союзные: *несмотря на то что, между тем как*;

По стилистической окраске этими авторами выделены следующие группы

фразеологических единиц:

1. межстилевые: *взглянуть правде в глаза, идти на дно* («Вишневый сад»);
2. разговорно-бытовые: *со свиным рылом в калашный ряд, свалить дурака* («Вишневый сад»);
3. книжные: *Царство Небесное* («Вишневый сад»).

Принимая во внимание грамматическую сочетаемость, набор грамматических категорий и наличие парадигматических форм А.И. Молотков обозначил шесть основных групп фразеологизмов, внутри

которых выделил различные подгруппы: именные, глагольные, адъективные, адвербиальные, глагольно-пропозициональные и междометные [Молотков 1977: 127-149].

Идиоматическая классификация Д.О. Добровольского основывается на коммуникативно-функциональном принципе. Автор выделяет: 1) идиомы в квалифицирующей (характеризующей) функции: *точить лясы* (обозначение действия), *хоть пруд пруди* (обозначение количественной характеристики); 2) идиомы в идентифицирующей функции: имена собственные (*Медный всадник*), термины (*адамово яблоко*), предметные номинации (*черный ворон*); 3) идиомы в функции модальных операторов: выражение оценочного смысла (*грешным делом*), выражение эмоционального смысла (*Была не была!*); 4) идиомы в функции высказываний: (*лед тронулся, жребий брошен*) [Добровольский : 49-53].

Многие исследователи подчеркивают, что одним из важнейших аспектов изучения фразеологизмов является культурологическая составляющая их значения. По мнению А.М. Бабкина, именно «в идиоматике проявляются дух и своеобразие каждой нации» [Бабкин 1979: 7]. Такой точки зрения придерживается и Л.И. Ройзензон, который считает, что фразеологический состав языка представляет собой «наиболее самобытное его явление» в плане выражения фразеологизмами национальной самобытности народа – носителя языка [Ройзензон 1977: 116].

Согласно мнению В.Н. Телии, «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода ‘нишей’ для кульминации мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурном-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 215]. Исследователь считает, что «культурная коннотация – это в самом общем виде интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [Телия 1996: 214]. По ее мнению, «фразеологизмы возникают в

национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое, отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с его культурными традициями, так как субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры». Автор полагает, что «единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, которая должна иметь свои способы ее отображения и служить своего рода «звеном», соединяющим в единую цепь «тело знака» – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т.п. знаки культуры». Средством воплощения культурно-национальной специфики фразеологизмов, по мнению В.Н. Телии, служит «образное основание, а способом указания на эту специфику является интерпретация образного основания в знаковом культурно-национальном ‘пространстве’ данного языкового общества». Такого рода интерпретация, подчеркивает автор, и «составляет содержание культурно-национальной коннотации» [Телия 1996: 215]. Исследователь полагает, что «изучение культурно-национальной коннотации фразеологизмов должно проводиться на фоне проблемы взаимоотношения языка и культуры как двух семиотических систем» [Телия 1996: 228]. Применительно к нашему исследованию важным кажется и мнение автора о том, что проблема непереводимости в языке – «это прежде всего проблема несводимости культурных идиом, а не онтических картин мира [Телия 1996: 226] В.Н. Телия полагает, что «система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с культурной компетенцией носителей языка» [Телия 1996: 230]. Только при соотнесении образного содержания, явленного в «буквальном» прочтении фразеологизмов, с категориями, концептами, мифологемами, стереотипами и эталонами национальной культуры и его интерпретации в этом пространстве материальной, социальной или духовной культуры открывается и культурно значимый смысл самого образа. На фоне этого соотнесения фразеологизмы сами обретают роль культурных стереотипов [Телия 1996: 232-252].

Рассуждая о фразеологии английского языка А.И. Смирницкий определяет сходства и различия между фразеологической единицей и словом в содержательном, функциональном и структурном плане. Ученый видит сходство фразеологизма и слова в том, что они являются готовой единицей языка. Различие между фразеологизмом и словом заключается в характере их оформления: слово является цельноформленной, а фразеологизм раздельноформленной единицей языка [Смирницкий 1956: 208].

В структурном отношении А.И. Смирницкий подразделяет фразеологизмы на *одновершинные* и *двухвершинные* или *многовершинные*, то есть состоящие из соединения двух или более знаменательных слов. По функциональному признаку автор различает *фразеологические единицы* – стилистически нейтральные и потерявшие метафоричность устойчивые сочетания (*to get up, to fall in love*), и *собственно идиомы* – экспрессивные средства языка, основанные на метафоре (*take the bull by the horns, dead as a doornail*). Тем и другим А.И. Смирницкий противопоставляет *традиционные словосочетания*, не обладающие идиоматичностью и не относящиеся к фразеологическому фонду языка.

Типология Н.Н. Амосовой, разработавшей фразеологическую концепцию для английского языка, основана на контекстологическом принципе. Автор выделяет *переменный контекст*, который обуславливается вариантностью конкретного лексического состава, а также синтаксическими и морфологическими вариациями указательного минимума, и *постоянный контекст*, в котором вариации компонентов в пределах одного и того же семантического результата исключены или максимально лимитированы. Исследователь различает два типа фразеологических единиц – фраземы и идиомы. Под фраземой Н.Н. Амосова понимает единицу постоянного контекста, в котором значение семантически реализуемого слова является фразеологически связанным (*beef tea, black frost, to call (smb) names*). Исследователь также выделяет разновидность постоянного контекста, в котором нет семантически реализуемого и ключевого слова и в котором ни

один из компонентов не обладает фразеологически связанным значением, зависящим от связи с другими компонентами. Здесь речь идет об общем, неделимом значении всего словосочетания в целом. Идиомами автор называет «единицы постоянного контекста, в которых указательный и семантически реализуемый элемент нормально составляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания, а также которые характеризуются целостным значением» (*red tape, to put cards on the table*). Отметим, что для Н.Н. Амосовой принципиальное значение имеет различие между связанностью значения с одним словом и связанностью значения с рядом слов. В связи с этим автор различает фраземы (связанное значение имеет одну детерминирующую единицу – *grind one's teeth*) и фразеолоиды (связанное значение имеет ряд детерминирующих единиц – *pay one's respects /a compliment /court to someone*). Последний тип, согласно мнению автора, выходит за рамки фразеологического состава, поскольку детерминирующий минимум, от которого зависит значение глагола *to pay* не является постоянным [Амосова 1963: 57-73].

А.В. Кунин английскую фразеологию подразделяет на идиоматику, идиофразематику и фразеоматику. К разделу идиоматики исследователь относит собственно фразеологические единицы или идиомы, которые определяет как «устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением», которые различаются по структурным типам и могут быть как мотивированными, так и немотивированными [Кунин 1996: 26-27]. Фразеологические единицы данной группы автор подразделяет на две категории: фразеологические единства (*all is not gold that glitters, burn one's fingers*) и фразеологические сращения (*kick the bucket, send smb. to Coventry*) [Кунин 1996: 53].

К разделу идиофразеоматики ученый относит идиофразеоматизмы – варианты устойчивых словосочетаний, где второй вариант является неким метафорическим переосмыслением первого. Таким образом у первых вариантов компоненты обладают буквальным, но осложненным значением, а

у вторых – полностью переосмысленным значением. Например: *chain reaction* – 1) цепная реакция (научный термин из области физики) и 2) цепная реакция (ряд следующих друг за другом однотипных действий, лавина), т.е. переосмысленный идиоматический вариант) [Кунин 1996: 27].

К разделу фразеоматики А.В. Кунин относит фразеоматические единицы, или «фразеологизмы неидиоматического характера, но с осложненным значением» [Кунин 1996: 27]. Данная категория подразделяется А.В. Куниным на пять групп. К первой из них исследователь относит обороты с преобразованным значением, семантическая осложненность которых заключается в том, что их значения не являются суммой значений их компонентов, а новыми значениями (*good morning, good night*). Ко второй группе относятся обороты с прибавочно-уточнительным значением (*an affair of honour, first night*). К третьей группе относятся обороты с прибавочно-уточнительным значением, означающие символические жесты, или фразеологические совмещения (*knit one's brows, nod one's head*). К четвертой группе отнесены пословицы с буквальным значением, основанные на отождествлении или противопоставлении значений компонентов (*better late than never, a friend in need is a friend indeed*). К пятой группе относятся обороты с фразеоматически связанным значением, где значение ведущего компонента выводимо только из тех образований, в составе которых этот компонент используется (*to pay attention/heed/ no mind, pay a call/a visit*). Данной категории свойственна тенденция к расширению сочетаемости ведущего элемента, поэтому они, согласно А.В. Кунину, приближаются к переменным словосочетаниям [Кунин 1996: 55-57]. Отметим, что к фразеологическому составу языка А.В. Кунин не относит обороты с терминологическим значением (*visual navigation, measuring instrument*), а также словосочетания с узким значением ведущего компонента (*to launch a rocket*).

В основе классификации Р. Муна лежит функциональный аспект. Исследователь распределил английские идиомы по пяти группам в зависимости от функций, которые они выполняют в языке:

1) информационные идиомы, передающие определенную информацию (*to catch sight of something, for sale*); 2) оценочные идиомы, передающие оценку, отношение говорящего (*kid's stuff, a different kettle of fish*); 3) ситуативные, отражающие контекст, отвечая ситуации (*long time no see, knock it off*); 4) модализирующие, передающие истинные ценности (*I kid you not, you know what I mean*); 5) организующие, организующие текст, обозначающие дискурсную конструкцию (*by the way, for instance*) [Moon 1992: 496-497].

В настоящей работе под фразеологизмом понимается раздельнооформленная единица языка, которая обладает целостным или общеаналитическим значением и эмоционально-экспрессивной выразительностью [Ивашко 1981: 7]. Как уже было обозначено ранее, наряду с термином «фразеологизм», в стилистических целях в работе употребляются синонимичные термины: фразеологическая единица (ФЕ), фразеологический оборот.

1.3 Способы перевода фразеологических единиц в художественной литературе

Проблема перевода фразеологических единиц является одной из самых важных в современном переводоведении, а семантический и стилистический адекватный перевод фразеологических единиц – одной из наиболее трудных переводческих задач, требующей от переводчика, согласно мнению Я.И. Рецкера, знаний в основных вопросах теории фразеологии [Рецкер 2007: 143]. А.И. Федоров выделил основную задачу перевода – «выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка» [Федоров 2002:15]. Для того чтобы перевод получился эквивалентным, должны быть выполнены следующие условия: 1) исходный и переводной текст должны обладать относительно равными коммуникативно-функциональными свойствами; 2) исходный и переводной текст должны быть максимально аналогичны друг другу в семантико-структурном отношении; 3)

между исходным и переводным текстом не должны возникать семантико-структурные расхождения, не допустимые при переводе [Латышев, Семенов 2008:57].

При переводе фразеологических единиц сложности возникают уже на этапе распознавания и вычленения их в тексте, поскольку связь между фразеологическими единицами и контекстом часто может быть не заметна. Рядом с этой стоит другая не менее важная проблема – трудность восприятия фразеологической единицы. Неправильное восприятие переводчиком фразеологических единиц может привести к искажению смысла не только конкретного выражения, но и более широкого контекста [Влахов, Флорин 1980: 180-181].

А.В. Кунин считает, что «фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка и нередко служат единственными обозначениями предметов, свойств, процессов и ситуаций» [Кунин 1966:5], что дополнительно осложняет их перевод. Многие фразеологизмы также обладают национальной спецификой, которая «пронизывает текст на всех его уровнях» [Сдобников, Петрова 2008: 394]. Именно поэтому национально-культурная адаптация художественного текста является исключительно важной переводческой задачей, так как фразеологизмы одной лингвокультуры могут быть неизвестны и совершенно непонятны представителям другой. В нашем исследовании анализ перевода фразеологических единиц, использованных А.П. Чеховым, проводится в сопоставлении с неродственным (английским) и близкородственным (сербским) языком, что позволит, среди прочего, сделать вывод о том, в каком языке – английском или сербском – легче подобрать соответствия для русских национально окрашенных фразеологизмов, передающих важный творческий замысел писателя.

Правильный перевод фразеологизмов, согласно мнению Н.Л. Шадрина, заключается в изыскании соответствующего фразеологизма среди существующих лексико-фразеологических средств переводного языка или в создании на базе этих средств такого соответствия, которое способно донести

до иноязычного читателя все (или, по крайней мере, доминирующие) семантико-стилистические функции исходного оборота [Шадрин 1991:24].

Несмотря на то, что исследователи теории и практики перевода по-разному смотрят на проблему перевода фразеологических единиц, в большинстве случаев все они подчеркивают, что переводчику прежде всего стоит придерживаться главной установки, согласно которой «фразеологизм следует переводить фразеологизмом» [Влахов, Флорин 1980: 183]. Однако практика показывает, что даже при наличии в языке перевода равноценного фразеологического соответствия, переводчику часто приходится искать другие решения, семантически и стилистически наиболее подходящие к конкретному контексту. С.И. Влахов и С.П. Флорин выделяют три типа перевода фразеологических единиц:

1) если фразеологизм исходного языка равен фразеологизму переводящего языка, он переводится эквивалентом;

2) если фразеологизм исходного языка примерно равен фразеологизму переводящего языка, он переводится аналогом;

3) если фразеологизм исходного языка не имеет в переводящем языке ни эквивалентов, ни аналогов и не может переводиться в словарном порядке, он передается нефразеологическими средствами [Влахов, Флорин 1980: 183].

Эта классификация позже была расширена Н.Л. Шадриным, выделившим четыре способа перевода фразеологизмов, которые существуют в языке перевода и используются переводчиком в готовом виде. Это – эквивалент, аналог, одноструктурный или разноструктурный синоним, лексический перевод. Согласно мнению Н.Л. Шадрина, существуют еще четыре способа перевода фразеологизмов, которые переводчик подбирает или создает сам в каждом конкретном случае. Среди них – контекстуальный аналог (фразеологический, лексико-фразеологический), калькирование, окказиональное лексическое соответствие и описание [Шадрин 1991:34]. Исследователь также выделяет ложные фразеологические эквиваленты, «которые совпадают по составу и лексическому значению компонентов,

синтаксической организации и стилистической характеристике, но имеют неодинаковое фразеологическое значение» [Шадрин 1991:45-46]. Использование ложных фразеологических эквивалентов ведет к грубому искажению семантики и стилистики переводимого текста.

Согласно мнению С.И. Влахова и С.П. Флорина, «фразеологический перевод предполагает использование в тексте перевода устойчивых единиц различной степени близости между единицей исходного языка и соответствующей единицей переводящего языка — от полного и абсолютного эквивалента до приблизительного фразеологического соответствия» [Влахов, Флорин 1980: 184]. Выделим основные типы фразеологических соответствий фразеологизмам оригинала, которые будут рассмотрены в настоящем исследовании:

1) полный фразеологический эквивалент – фразеологизм, равноценный переводимой единице по структуре, семантике, стилю, экспрессивной окраске и образности.

2) частичный (неполный) фразеологический эквивалент – фразеологизм, равноценный переводимой единице по семантике, стилю и экспрессивной окраске и частично отличающийся по компонентному составу. Согласно мнению исследователей, фразеологические эквиваленты чаще всего встречаются среди интернациональных фразеологизмов, которые являются частью мирового идиоматического наследия. Они вошли в языки из исторических, мифологических, литературных источников, заимствовались из языка в язык или возникали в различных лингвокультурах независимо друг от друга в связи с общностью человеческого мышления.

3) аналог – фразеологизм, соответствующий переводимой единице по семантике, стилю и экспрессивной окраске, обладающий другой образностью.

4) калькирование или дословный перевод фразеологической единицы. К калькированию переводчики должны прибегать только в тех случаях, когда в языке перевода нет соответствующего эквивалента или

аналога и дословный перевод может передать читателю семантику нового образа. Считается, что калькирование образных фразеологизмов часто приводит к затруднению понимания текста перевода, так как образы, существующие в одной лингвокультуре непонятны представителям другой. С другой стороны, удачные кальки могут «оживить» переводной текст, придать ему яркость и оригинальность.

В работе также будут рассмотрены и нефразеологические способы перевода фразеологических единиц, такие как лексический и описательный.

Перевод фразеологических единиц в художественном тексте является одним из наиболее сложных аспектов перевода, поскольку в художественной литературе для осуществления своего замысла и достижения того или иного художественного эффекта, писатель прибегает к различным приемам: индивидуальным смысловым и стилистическим преобразованиям фразеологизмов, расчленению устойчивой фразеологической структуры в сторону расширения или сокращения. Адекватный перевод фразеологизмов требует от переводчика хорошего знания идиоматики исходного языка и языка перевода, а также широких «фоновых знаний», среди которых В.Н. Крупнов называет знания «истории, мифологии, библеизмов, художественной литературы, политической жизни, обычаев страны изучаемого языка» [Крупнов 2009: 80]. Как показывает практика, значительная часть ошибок при переводе фразеологизмов проистекает из-за отсутствия «фоновых знаний». Без таких знаний, по мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, нельзя выйти «за пределы буквального понимания текстов» [Верещагин, Костомаров 2005: 312].

На национально-специфический характер фразеологии, согласно Н.Л. Шадрину, влияют лингвистические и экстралингвистические факторы. Первые из них проявляются в том, что разные языки используют различные лексические и образные средства для обозначения одних и тех же предметов, действий или качеств и для выражения одних и тех же мыслей [Шадрин 1991:117]. К экстралингвистическим факторам, которые обуславливают

национальную специфичность фразеологизмов, относятся национальные реалии – наличие в компонентном составе фразеологических единиц имен собственных, географических названий, исторических событий, предметов культуры и материального быта, обычаев, поверий и т.п. [Шадрин 1991: 118]. Автор относит к национально-специфичным фразеологизмам и те единицы, которые пришли в язык из национальной художественной литературы.

На сегодняшний день в переводоведении значение также приобретает функциональный подход (в частности, работы Ю. Найды, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне), в рамках которого особое внимание уделяется понятию эквивалентности.

Ю. Найда выделяет два вида эквивалентности – формальную и динамическую. Формальная эквивалентность подразумевает перевод поэзии поэзией, предложение – предложением, понятие – понятием. Такой тип перевода способствует «перенесению» получателя в культуру народа ИЯ [Найда 1978: 118].

Для достижения динамической эквивалентности необходимо «не столько добиться совпадения сообщения на языке перевода с сообщением на языке оригинала, сколько создать динамическую связь между сообщением и получателем на языке перевода, которая была бы приблизительно такой же, как связь, существующая между сообщением и получателем на языке оригинала» [Найда 1978: 119]. Следовательно, динамическая эквивалентность предполагает использование такой переводческой стратегии как доместикация.

Следует отметить, что перевод фразеологических единиц в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» на английский и сербский языки важен не только для специалистов и исследователей творчества великого писателя, но и для обычных носителей английского и сербского языков. Семантически и стилистически верный перевод произведения русского классика дает возможность широкому кругу читателей в англоязычных странах и странах сербско-хорватского языкового ареала познакомиться с произведениями

известного русского автора, а через них — и с культурой и историей русского народа. Поскольку фразеология является отражением событий, хранящихся в коллективной памяти, значимых национальных культур (см. Телия, Мршевич-Радович), в задачи настоящего исследования входит не только сопоставительный семантический и стилистический анализ фразеологизмов оригинального и переводного текста, но и анализ правильного отражения русской фразеологической картины мира в английском и сербском переводе анализируемого произведения А.П. Чехова.

1.4. Лингвостилистические особенности языка А.П. Чехова

Фразеологизмы играют важную роль в художественном тексте, отражая специфику речи автора, стилистические особенности построения его произведений. В лингвистике немало исследований, предметом которых является фразеология в языке того или иного автора. Так, например, в работе О.В. Ломакиной анализируется фразеологический состав произведений Л.Н. Толстого: Автор привлекает к исследованию объемный корпус ФЕ, извлеченных методом сплошной выборки из «Полного собрания сочинений» Л.Н. Толстого, и приходит к выводу о том, что фразеология не только играет существенную роль в реализации намерений автора, но и позволяет определить «идеологические доминанты» его произведений и, следовательно, более глубоко постичь мировоззрение и философскую систему писателя. Более того – изменение тезаурусообразующих фразеологических единиц в ходе творческой жизни писателя позволяет отследить смену его ценностных ориентиров [Ломакина 2015: 12]. В отличие от данного всеобъемлющего исследования, работа Т.В. Ренской посвящена лишь одной окказиональной ФЕ романа Л.Н. Толстого «Война и мир»: «Ах, какая прелесть!». По мысли автора исследования, данная фразеологическая единица относится к «камерной фразеологии романа» и является средством раскрытия внутреннего мира героев романа, а также постижения диалектики их души [Ренская 1990:

37].

Данные работы являются лишь отдельными примерами многочисленных исследований, посвященных особенностям фразеологии языка писателей, и безусловным свидетельством значимости фразеологии в художественном тексте.

Специфика фразеологии в произведениях А.П. Чехова также рассматривается лингвистами. Авторы отмечают «творческий подход» писателя к использованию ФЕ: в произведениях А.П. Чехова очень распространены случаи окказионального употребления фразеологизмов, что значительно способствует решению различных художественных задач автора [Нарушевич 2020: 23].

Более того, именно фразеологизмы исследователи отмечают как одно из важнейших средств создания комического в произведениях А.П. Чехова. При этом, наряду с буквальным использованием фразеологизмов, писатель очень часто прибегает к разнообразным приёмам усиления выразительности ФЕ, модификации фразеологизмов [Гужанов 2004: 103-104].

Среди таких окказиональных приёмов лингвисты выделяют, в частности, следующие:

- усиление смыслового и экспрессивного содержания с помощью присоединения к ФЕ определения, пояснения или целого выражения (*ходил по передним великих железнодорожного мира сего*),

- конкретизация фразеологической единицы (*львиная порция, махнул лапкой*),

- столкновение стилистических средств (*муза показала кукиши*) [Гужанов 2004: 105-106];

- добавление продолжения ФЕ (*сбросил волчью шкуру и предстал в телячьей*),

- замена частей ФЕ (*что русскому сладко, то немцу горько*)

- использование отрицания (*не открыл Америки и даже не попал пальцем в небо*) [Быстрова 2017: 68-69];

- буквализация и двойная актуализация значения ФЕ (*мамаша разинула рот и всплеснула руками*) [Нарушевич 2020: 21], и прочие.

Как видим, в текстах А.П. Чехова используются разнообразные способы окказионального использования ФЕ. Применяя авторскую обработку семантики и (или) структуры фразеологизма, А.П. Чехов придает ему новизну, бóльшую выразительность и яркость, тем самым как бы «оживляя» данную единицу. Данные приемы в значительной степени влияют на создание «комического» в произведениях писателя, и безусловно представляют собой вызов для переводчика текстов А.П. Чехова на другой язык.

1.4.1. Переводы произведений А.П. Чехова на английский язык

На сегодняшний день произведения Антона Павловича переведены более чем на 100 языков. По числу переводов, подготовленных к различным произведениям классика, безусловно, лидирует английский язык. Не случайно многие представители английского литературоведения считают Чехова настолько же английским писателем, насколько и русским. Возможно, причиной этому является тот факт, что на английский язык произведения писателя переводились и до сих пор переводятся «исключительно сквозь призму английской культуры» [Мирзабаева 2015: 787].

Однако несмотря на репутацию «классика английской литературы», путь А.П. Чехова к английскому читателю был достаточно долгим. Показательным является то, что переводы Чехова в Англии появились позже, чем в Германии и Франции. Едва ли можно утверждать, что при жизни писателя англоговорящая публика испытывала интерес к его произведениям, сопоставимый с сегодняшним. Не отрицал этого и сам А.П. Чехов. В своем письме переводчице О.Р. Васильевой он отмечает: «И мне кажется, для английской публики я представляю так мало интереса, что решительно всё равно, буду ли я напечатан в английском журнале или нет» [Чехов 1980: 97].

Возможно, такому первоначальному восприятию А.П. Чехова в англоязычной среде послужил обзор «Литература европейских стран за июль 1888 г. – июнь 1889 г.», опубликованный в еженедельнике «Атенеум» в 1889 году. В данном обзоре было сказано, что Чехов – «приятный автор небольших психологических этюдов и неудачливый драматург, в чьей пьесе “Иванов” нет действия, а главные герои представляют собой невероятную смесь разноречивых качеств, что приводит читателя в недоумение» [The Athenaeum 1889: 26].

После публикации еще нескольких рецензий подобного характера редакторы и издатели стали отвергать присылаемые им переводы произведений А.П. Чехова. В результате в полном объеме к творчеству писателя англоговорящая общественность обратилась лишь спустя двадцать лет – в 1909 году. В период с 1899 по 1909 год единственной публикацией на английском языке, посвященной творчеству Чехова, была статья Р.Э. Лонга «Антон Чехов», которая была опубликована в 1902 году в английском журнале «The Fortnightly Review». В статье Р.Э. Лонг скептически характеризует творчество А.П. Чехова, которое, по мнению критика, «выражает пессимизм, навеянный фатализмом и отрицанием своего времени, но смягченный юмором и апатией» [Long 1902: 117]. Переводы А.П. Чехова, выполненные самим Р.Э. Лонгом отличались «стилистическом несоответствием, значительно меняющим всю тональность рассказов», за счет чего у английских читателей не было возможности насладиться «стилистическим своеобразием и языковой структурой» произведений русского классика [Шерешевская 1997: 372].

К 1909 году интерпретация творчества Чехова претерпевает некоторые изменения, вызванные рецензией Арнольда Беннетта. Будучи романистом, Беннетт, прежде всего, обратил внимание на реализм Чехова: «Он достиг предельного реализма... Ни одна крупица правды им не упущена и не преувеличена» [Bennet 1933: 320]. Под впечатлением художественного метода Чехова в заключении своей статьи А. Беннетт пишет, что читать русского классика необходимо каждому образованному человеку.

Вслед за рецензией А. Беннетта появляется несколько английских переводов Чехова в американской, английской и канадской периодической печати. Уже в 1911 году в Лондоне впервые поставлена пьеса «Вишневый сад» по переводу Констанс Гарнетт. Годом позже в столице Великобритании выходит книга «Две пьесы: Чайка; Вишневый сад» в переводе Джорджа Колдерона, которая благодаря своему предисловию поспособствовала популяризации пьес А.П. Чехова в Англии [Шерешевская 1997: 373].

В этом же году публикуется книга «Plays by Anton Tchekhoff: Uncle Vanya, Ivanoff, The seagull, The swan song» («Пьесы Антона Чехова: “Дядя Ваня”, “Иванов”, “Чайка”, “Лебединая песня”») в переводе Мэриан Фелл. Ряд исследователей отмечает недостаток знаний о русской культуре и творчестве Чехова у переводчицы, в результате чего в книге наблюдается множество ошибок – как лексических, так и фактических. Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на увеличивающийся интерес к творчеству русского драматурга, далеко не все переводы могли дать читателям должное представление о лексическом богатстве и художественной оригинальности Чехова.

Еще одним неудачным переводом прозы Чехова принято считать перевод Эделин Листер Кей, которая в 1915 году опубликовала сборник «The steppe and other stories» («Степь и другие рассказы»). В перевод Э.Л. Кей было включено много русских реалий, которые, как отмечали рецензенты, никак не объяснялись английскому читателю [Athenaeum 1915: 505].

Первыми наиболее квалифицированными переводами А.П. Чехова на английский язык принято считать переводы, выполненные С.С. Котелянским и впервые опубликованные также в 1915 году. Переводы рассказов из сборника «The bet and other stories» («Пари и другие рассказы») были выполнены совместно с Дж.М. Марри. Основным отличием данного перевода является «большая тщательность в прочтении оригинала» [Шерешевская 1997: 376], что, скорее всего, связано с тем, что родным языком С.С. Котелянского был русский. Котелянский был одним из первых

переводчиков, который не пытался представить Чехова художником мрачной обстановки в России на рубеже веков. Однако, как отмечает Шерешевская, Котелянскому также не удалось избежать в своих переводах буквализмов и синтаксических несоответствий.

Переломным моментом в восприятии А.П. Чехова в англоговорящих странах принято считать публикацию в 1916 году первых двух книг тринадцатитомного собрания «Рассказы Чехова» («The darling and other stories») в переводах Констанс Гарнетт. Известная к тому времени по своим переводам произведений Ф.М. Достоевского Констанс Гарнетт добилась «восхищения Чеховым среди английских писателей и читателей» [Swinerton 1936: 128].

В собрание «Рассказы Чехов», перевод к которому выполнила К. Гарнетт, вошло 201 прозаическое произведение. Некоторые из рассказов («Именины», «Дуэль», «Соседи», «Рассказ неизвестного человека», «Бабы царство», «Убийство», «Случай из практики» и др.) были опубликованы на английском языке впервые.

Произведения были представлены не в хронологической последовательности, а на основании тематического деления, выработанного самой К. Гарнетт. Переводчица классифицировала рассказы А.П. Чехова в соответствии с тематикой: короткие юмористические сценки, рассказы о горожанах, рассказы о провинции, рассказы о деревенской жизни, рассказы о «людях странных» и т.д. Думается, что именно за счет такого распределения материала К. Гарнетт удалось добиться такой популярности. Благодаря ее переводом, Чехов был представлен и как художник русской жизни, и как исследователь человеческих типов и психологии [Паперный 1997: 379].

Принято считать, что именно издание «Рассказов Чехова» в переводах К. Гарнетт послужило началом для увлечения Чеховым в англоговорящих странах. Переводы К. Гарнетт стали первыми переводами, выполненными в единой стилистике с использованием литературной лексики, в результате чего читатели получили представление о художественных приемах А.П. Чехова,

поэтике его произведений. До середины 20 века мнение англоязычных читателей о прозе русского классика формировалось по переводам Гарнетт. Так, британский критик Дж. М. Марри отмечал: «Переводы миссис Гарнетт с русского настолько совершенны, что следующее поколение еще охотнее признает, сколь многим Англия обязана ее таланту» [Murry 1916: 13]. Характерно, что интерес к переводам К. Гарнетт не ослабевает и по сей день, в связи с чем в настоящей работе будет проанализирован ее перевод пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад».

В 1920-х после публикации переводов К. Гарнетт среди англоязычной публики возрос интерес не только к Чехову-писателю, но и к Чехову-человеку. Интерес был отчасти удовлетворен посредством издания книги «85 Letters of Anton Tchekhov to his family and friends» («Письма Антона Чехова к семье и друзьям»), вышедшей из печати в 1920 году в переводе все той же К. Гарнетт. Читатели и критики высоко оценили творчество Чехова в эпистолярном жанре. Публикация его писем послужила новому прочтению драматурга в Англии и Америке и усилила возросший интерес к личности автора. Поэтому в следующие несколько лет в Британии и США вышли из печати три сборника избранных писем А.П. Чехова в переводе С. С. Котелянского и Ф. Томлинсон. Несмотря на то, что данные переводы уступали работе К. Гарнетт «в языковом и стилистическом отношении» [Шерешевская 1997: 387], они также внесли свой вклад в популяризацию эпистолярной прозы Чехова в английской лингвокультуре.

С середины 1920-х до 1940-х наблюдается некая пауза в переводе А.П. Чехова на английский язык: за этот период не было выполнено переводов писем классика, новые переводы рассказов и повестей публиковались нечасто. Наиболее известные переводы того времени принадлежат А.Е. Шамо, который в 1926 году попытался представить прозу Чехова в противоположном Гарнетт ключе (с точки зрения лексических и синтаксических решений). Однако, как отмечает ряд исследователей, в результате переводы Шамо отличает «стилистическая скудость» [Шерешевская 1997: 422].

Новый этап в развитии переводов А.П. Чехова наступил после Второй мировой войны, когда к произведениям писателя обратились в попытках найти толкование качеств русского человека, позволивших одержать победу в войне. Так, американский литературовед Мэтью Джозефсон в книге «The personal papers of Anton Chekhov» (1948) пишет: «Русские Чехова, жившие пятьдесят лет назад, не только предавались меланхолии. Напротив, ими владел дух утопического оптимизма, помогавший побороть отчаяние. Мы видим их, обращающими взоры не на злосчастную действительность, а в будущее, на которое они уповают, и слышим, как они, подобно героям “Вишневого сада”, восклицают: “Какой прекрасной, какой неизмеримо лучшей будет жизнь!” в грядущие годы. Ту же веру обнаруживаем мы у русских и в наши дни, в недавнем прошлом, наполненном бедствиями войны массовыми трагедиями» [Josephson 1948: 11].

В этот же период вновь возрос интерес к письмам А.П. Чехова. В 1955 году был выпущен сборник «The selected letters of Anton Chekhov», где было представлено большое число чеховских писем в переводе американской писательницы Л. Хеллман.

В 1954 году и 1960 году (пятидесятилетие со дня смерти и столетие со дня рождения) в англоязычных странах, в особенности в Великобритании и США, «увеличилось число чеховских спектаклей, переизданий переводов его прозы и драматургии; в периодической печати публиковались юбилейные статьи» [Паперный 1997: 393]. Вновь обратившись к переводам К. Гарнетт, многие литературоведы того периода пришли к выводу, что работы переводчицы требуют пересмотра и нуждаются в переработке.

Главным сторонником нового, стилистически более осмысленного, перевода Чехова стал Р. Хингли, который отказался пользоваться имевшимися вариантами текста К. Гарнетт и заменил их собственными. Все больше критикуя переводы К. Гарнетт, исследователи стали предлагать работы других специалистов, в частности – переводы Старка Янга, который в большей степени занимался переводом пьес А.П. Чехова.

Последовав примеру С. Янга, переводчики стали предлагать свои варианты пьес драматурга: за двадцать лет число переводов «Вишневого сада» увеличилось до двенадцати, а количество переводов «Чайки» возросло до семнадцати.

Несмотря на то, что 50-е годы не были ознаменованы новыми переводами ранее уже известных чеховских произведений, за этот период было издано более 60 рассказов (написанных А.П. Чеховым в 1882-1887 гг.) в четырех сборниках. Сборники были выпущены в Лондоне и Нью-Йорке и принадлежали перу разных переводчиков: 1953 г. – «Роман с контрабасом и другие рассказы» в переводе А. Фицлайэн и К. Зиновьева; 1960 г. – «Ранние рассказы» в переводе Н. Готлиб; 1954 г. – «Неизвестный Чехов» в переводе А. Ярмолинского, 1959 г. – «Петров день и другие истории» в переводе Ф. Г. Джонза.

Следует отметить, что наиболее последовательным из названных переводчиков выступил А. Ярмолинский, который и послужил примером для последующих изданий. В его переводах «язык персонажей получил куда более живое, естественное, приближающееся по интонации, манере, лексике и идиоматике звучание к языку чеховских героев. Именно поэтому удачными оказались переводы тех ранних рассказов, в которых повествование ведется от имени героя с характерной речевой окраской» » [Шерешевская 1997: 391].

В период с 1961 по 1965 гг. английскими и американскими издателями были опубликованы восемь сборников, предлагавших новые англоязычные варианты уже не раз переводившихся рассказов Чехова («Черный монах», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой» и др). Переводчики стремились создать новый образ Чехова, который стал известен англоязычным читателям за счет многочисленных публикаций его писем.

Значительным вкладом стало начатое в 1964 году академическое издание пьес и поздних прозаических сочинений Чехова в переводе Р. Хингли, которое было завершено к 1980 году. Переводчиком Чехова Р. Хингли выступил еще в 1950 году, когда неудовлетворенный переводами К. Гарнетт,

в своей книге о русском писателе «Чехов. Очерки жизни и творчества» он предложил собственные переводы.

Большое внимание в переводах Хингли уделялось стилю и языку чеховской прозы, а также вопросу о воспроизведении ее на иностранных языках. Главной особенностью переводов Хингли считают воссоздание несобственно-прямой речи, характерной для стиля зрелого Чехова, широко использовавшего эту лексико-синтаксическую структуру в повествовании [Шерешевская 1997: 392].

Академическое издание А.П. Чехова, оно же Оксфордское издание сочинений Чехова «Оксфордский Чехов» (“The Oxford Chekhov”) состоит из 9 томов, из которых в три первых вошли все драматические произведения Чехова, а в остальные – его художественная проза, начиная с повести «Степь». Тома выходили не в порядке обычного следования, а по мере их готовности: в 1964 г. вышел третий том, где были опубликованы «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», «Леший»; в 1965 – том номер восемь («Рассказы 1895-1898 гг.», в 1967 – второй том («Платонов», «Иванов», «Чайка»), в 1968 – первый том («Одноактные пьесы»), в 1970 – том номер пять («Рассказы 1889–1891 гг.», в 1971 – шестой том («Рассказы 1892–1893 гг.», в 1975 – том номер девять («Рассказы 1898-1904 гг.», в 1978 – седьмой том: «Рассказы 1893-1895 гг.»; и, наконец, в 1980 году вышел четвертый том («Рассказы 1888–1889 гг.»).

«Оксфордский Чехов» был высоко оценен англоязычной публикой. По мнению критика К. Брауна, «ни один русский автор не был еще представлен английским читателям с такой полнотой, как представлен им Чехов на страницах этого издания» [Brown 1970: 380].

По сути, оказавшись первым крупным изданием произведений А.П. Чехова после публикации Полного собрания сочинений писателя в СССР, «Оксфордский Чехов» стал своего рода английским аналогом. Начиная с 1980-х, за некоторыми исключениями, сборники произведений зрелого Чехова, публиковавшиеся практически ежегодно, представляли собой либо переиздания старых переводов (включая ранние) либо «удешевленные

выпуски» переводов Р. Хингли, которые охватывали широкий круг читателей. Схожая тенденция наблюдается и на сегодняшний день: большая часть «новых переводов» пьес А.П. Чехова, подготовленных к театральным постановкам, являет собой не что иное как адаптацию старых переводческих работ.

Таким образом, ввиду разнообразия авторских стилистических приемов произведения А.П. Чехова представляли особую сложность для переводчиков начала 20-го века, в связи с чем знакомство англоговорящих читателей с работами русского драматурга было постепенным. На сегодняшний день, постоянное стремление максимально приблизить английские тексты к подлинникам свидетельствует о невероятной популярности А.П. Чехова в английской лингвокультуре.

1.4.2. Переводы произведений А.П. Чехова на сербский язык

В отличие от англоязычного читателя сербская публика узнала А.П. Чехова достаточно рано – уже в конце XIX века. Об этом знал и сам писатель, который еще в 1892 году в своем письме литературоведу В.А. Тихонову сообщает: «Переведен на все языки, за исключением иностранных. Впрочем, давно уже переведен немцами. Чехи и сербы также одобряют...» [Чехов 1975: 362].

Трудно сказать, что больше повлияло на раннее знакомство Сербии с произведениями русского драматурга, – любовь славянских народов к русской литературе в целом или большой интерес сербских литераторов к произведениям русских классиков. Ведь именно второе способствовало тому, что переводами русских писателей занимались выдающиеся представители сербской литературы, такие как Йован Йованович Змай, Лаза Лазаревич, Симо Матавуль, Йован Дучич, Петар Кочич и др.

Точная дата появления первых переводов А.П. Чехова на сербский язык неизвестна. Можно лишь предположить, что они стали публиковаться в 1880-х. А.Л. Погодин в своей статье 1928 года отмечает: «Среди новых писателей

огромную популярность приобрел Чехов. Краткость его рассказов делает их весьма подходящими для опубликования в газетах, благодаря чему, видимо, они стали появляться в сербских переводах уже в 1880-е годы. К сожалению, у меня нет возможности подтвердить это мое предположение. Что касается книг и журналов, могу сказать, что уже в 1890 г. в журнале “Javor” появилась повесть “Учитель словесности” и в том же году в Белграде вышел первый небольшой сборник рассказов Чехова» [Погодин 1928: 391].

Закономерным кажется тот факт, что сербская публика, аналогично англоговорящей, в первую очередь приняла именно рассказы Чехова и обошла вниманием пьесы драматурга. Однако некоторые исследователи отмечают, что возможной причиной отсутствия переводов пьес А.П. Чехова в 1890-е годы является сложная композиция и образность языка; и как результат – опасения, что иностранный читатель не поймет произведения должным образом.

Кроме того, в этот период «главные силы сербской литературы были сосредоточены на жанре рассказа» [Чехов в Сербии 198]. Рассказы Чехова стали настолько привлекать общественность Сербии, что в 1889 году сербский писатель Бранислав Нушич опубликовал рассказ «Једна ведре ноћ», за основу которого был взят рассказ А.П. Чехова «Разговор человека с собакой». Примечательно, что это произошло еще до того, как рассказ был переведен на сербский язык. Этот факт еще раз доказывает, что сербские литераторы внимательно следили за русской литературой, поскольку в произведениях русских авторов поднимались проблемы, интересующие и сербов, – истинный гуманизм и крестьянство.

Ввиду высокой художественности произведений Чехова сербские переводчики искали «новые средства для передачи особенностей оригинала» [Божович 2005: 199]. Многие талантливые переводчики пробовали свои силы, чем можно объяснить высокое число переводов, опубликованных в периодической печати. С 1889 по 1904 год в сербских газетах было опубликовано 294 перевода рассказов А.П. Чехова. После смерти Чехова в

1904 году интерес к его произведениям стал еще больше. За десять лет, в период с 1905 по 1915 год, было напечатано 498 переводов рассказов писателя.

Поскольку рассказы А.П. Чехова регулярно публиковались в газетах, авторы многих переводов на сегодняшний день остались неизвестными. Среди самых известных переводчиков можно назвать М. Павловича, Й. Максимович, Й. Угричич, С. Глишич, М. Глушчевича и З. Велимирович. Однако несмотря на то, что каждый из перечисленных специалистов выполнил перевод как минимум пяти рассказов Чехова, никто из них не брался за перевод пьес драматурга. Как уже было сказано ранее, на это влияли три причины: объем пьес (короткие рассказы Чехова печатались в газетах и журналах, а книги автора выходили крайне редко), высокая художественность произведений автора, а также интерес сербских литераторов именно к жанру рассказа.

Однако интерес к творчеству А.П. Чехова только увеличивался, поэтому в 1908 году сербское товарищество писателей задалось целью систематизировать все имеющиеся переводы произведений Чехова на сербский язык и составить список тех работ драматурга, с которыми еще не знаком сербский читатель.

В созданный в 1908 году Йованом Максимовичем список вошли следующие произведения А.П. Чехова: «Без заглавия», «Беглец», «Ванька», «Дом с мезонином», «Душечка», «Дуэль», «Дядя Ваня», «Ионыч», «Каштанка», «Крыжовник», «Палата № 6», «Припадок», «Рассказ неизвестного человека», «Случай из практики», «Спать хочется», «Соседи», «Страх», «Толстый и тонкий», «Три сестры», «Учитель», «Человек в футляре», «Черный монах», «Вишневый сад» и др. Как видно, для перевода, в основном, были обозначены рассказы Чехова, однако в перечень также вошли и пьесы драматурга [Srpska književna zadruga 1909: 24]. Намерения заняться переводом драматургии А.П. Чехова на сербский язык можно считать большим достижением, т.к. до 1908 года пьесы были опубликованы лишь в Хорватии в переводе М. Марковича и Н. Андрича (1897) [Николетич 2019: 41]. Это были

пьесы «Чайка» и «Дядя Ваня», переведенные для Хорватского земского театра.

Однако попытка создать новые переводы произведений Чехова (в том числе пьес) не увенчалась успехом. Полностью план Й. Максимовича был реализован лишь в середине 1920-х годов. Во время Первой мировой войны театры не заказывали переводы произведений русского драматурга, а для сербской периодики пьесы имели слишком большой объем.

Вплоть до 1920-х гг. было переведено лишь одно драматическое произведение А.П. Чехова – пьеса «Вишневый сад». Перевод на сербохорватский был выполнен Э. Деметровичем для Королевского земского хорватского театра, но оказался неудачным и был подвергнут критике: «Хорватский перевод этой комедии достаточно плох, у него так много слабых сторон, что инициалы переводчика “E.D.”, указанные на программе спектакля, должны быть расшифрованы как “ein Dilettant”» [Teklić 1916: 758]. Однако, как отмечают многие исследователи, Э. Деметрович достаточно хорошо знал русскую фразеологию, что, безусловно, можно считать достоинством этого перевода.

После окончания Первой мировой войны интерес сербоязычной публики снова привлекли рассказы А.П. Чехова. В 1920 году появилось первое отдельное издание прозы писателя, в 1921 году – книга под названием «“Черный монах” и другие рассказы» [Божович 2005: 212].

Переломным моментом в восприятии Чехова в Сербии стала публикация собрания сочинений русского писателя в четырнадцать томах, которое вышло под редакцией Милодрага Пешича в Белграде в 1939 году. В собрание сочинений вошло 239 рассказов и полное собрание драматических произведений (кроме первой пьесы писателя «Безотцовщина»). Переводы рассказов выполнили К. Цветкович, Д. Максимович, М. Пешич, С. Сластиков, Д. Марич, Л. Михайлович, Д. Илич, Д. Марич, М. Подольский, М. Петрович-Шибича; переводы пьес – Й. Максимович, С. Димич-Пишкин, З. Велимирович.

Благодаря собранию сочинений к началу Второй мировой войны сербские читатели познакомились с самыми значительными произведениями А.П. Чехова. Известный ранее в Сербии как автор юмористических рассказов Чехов открылся с новой «драматической» стороны. Ряд исследователей считает, что А.П. Чехов стал одним из самых ярких писателей в сербской межвоенной литературе [Miličević 1958: 172].

Настроения героев Чехова были близки настроению сербских читателей: несмотря на сложную политическую и социальную, они не теряли любовь к жизни. Кроме того, стиль русского писателя привлекал сербов отсутствием излишних деталей. Для критиков А.П. Чехов оставался новатором, но и одновременно переходил в разряд классиков русской литературы.

Несмотря на изменившуюся политическую обстановку в Сербии после Второй мировой войны, Чехов не потерял свою актуальность во второй половине 1940-х гг. Начиная с 1946 года ежегодно выходило как минимум одно издание произведений писателя.

В честь семидесятой годовщины со дня смерти А.П. Чехова в 1974 году в Сербии вышло его Собрание сочинений в десяти томах. Под редакцией М. Бабовича было опубликовано 317 рассказов и повестей, а также пьесы и драмы. В собрание сочинений вошли как выполненные ранее переводы, так и новые (М. Стоилькович, Й. Яничевич, З. Божович, Л. Михайлович, А. Терзич, С. Сластиков и др.).

К сто двадцатой годовщине со дня рождения А.П. Чехова было издано Собрание сочинений в двенадцати томах, в котором впервые напечатали переводы писем Чехова. Перевод и комментарии к данному собранию выполнил З. Божович, использовавший в работе над изданием результаты собственных исследований: «Проза Чехова и сербская литература», «Драматургия Чехова в Сербии», «Мхатовцы и восприятие в Сербии драматургии А.П. Чехова» и др.

Новые собрания сочинений послужили появлению критической литературы о Чехове в период с 1950 по 1980 гг. У сербских литературоведов

появляется возможность опираться на большее количество переводов, источников. Начинается развитие настоящей полемики, которая оказывает сильное влияние на сербских прозаиков и драматургов второй половина XX века.

Поскольку интерес к русской литературе не прекращается в Сербии, А.П. Чехов наряду с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоевским уже более ста лет «находится на самой вершине сербской переводной литературы» [Божович 2005: 235]. За счет близости сербской и русской лингвокультур, универсальных проблем, поднятых в произведениях, Чехов уже давно воспринимается сербскими читателями как «свой». Доказательством этому служат новые переводы произведений писателя и театральные постановки.

Выводы по главе 1

В первой главе исследования рассматриваются актуальные направления в области изучения фразеологии и фразеологических единиц, а также перевода устойчивых сочетаний в художественной литературе. На основании изученных работ можно прийти к следующим выводам:

1. Фразеология, как наука об устойчивых оборотах речи и выражений, является одной из наиболее развивающихся областей лингвистики. Фразеология русского, английского и сербского языков изучена и описана в разной степени.
2. В современной науке о языке существуют разные фразеологические школы, отличающиеся друг от друга подходом к изучению фразеологии, определением (широким и узким) фразеологической единицы. Под фразеологической единицей (ФЕ) в данной работе понимается относительно устойчивая, отдельнооформленная единица языка, которая обладает целостным или общепаналитическим значением, а также эмоционально-экспрессивной выразительностью.
3. В настоящее время представляется достаточно перспективным структурный подход к исследованию эквивалентности ФЕ, предполагающий выделение эквивалентов по лексико-грамматическим классам. Эквивалентность понимается как семантическая схожесть фразеологизмов. С точки зрения эквивалентности какой-либо части речи фразеологические единицы можно разделить на десять основных групп (глагольные, субстантивные, наречные, адъективные, междометные, модальные, союзные; а также – межстилевые, разговорно-бытовые, книжные с точки зрения стилистической окраски).
4. Фразеологизмы представляют собой наиболее трудные единицы языка для перевода. Существуют различные способы их перевода, но однозначных решений в этой области переводоведения не обнаружено. Принцип перевода фразеологизма с помощью фразеологизма

исследователями признается предпочтительным, но не всегда возможным. В художественной литературе перевод фразеологизмов прежде всего определяется широким контекстом произведения. Адекватный перевод фразеологической единицы требует от переводчика разносторонних «фоновых знаний» – знания истории, культуры, литературы, традиций и обычаев ИЯ.

5. Фразеологизмы играют важную роль в осуществлении авторского замысла и представляют собой одно из важнейших средств создания комического и трагического в произведениях А.П. Чехова. Специфика фразеологии А.П. Чехова подразумевает: конкретизацию фразеологической единицы, столкновение стилистических средств, добавление продолжения ФЕ, замену частей ФЕ, использование отрицания, буквализацию и двойную актуализацию значения ФЕ, а также неординарные и разнообразные функциональные параметры.
6. Основные переводы пьес Чехова на английский и сербский языки относятся к середине – второй половине 20 века, прежде всего ввиду объема произведений и отсутствия возможности печатать их в газетах, а также по причине сложной композиции и образности языка автора. Названные ранее приёмы использования ФЕ в пьесах Чехова в значительной степени влияют на создание авторской стилистики, и безусловно представляют собой вызов для переводчика текстов А.П. Чехова.

ГЛАВА 2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПЬЕСЕ А.П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД» НА АНГЛИЙСКИЙ И СЕРБСКИЙ ЯЗЫКИ

2.1. Вводные положения

Для анализа фразеологической системы языка А.П. Чехова в пьесе «Вишневый сад» в качестве материала были отобраны 42 фразеологические единицы, представленные в Приложении №2 в порядке упоминания в тексте. Материалом послужили ФЕ, собранные методом сплошной выборки.

В качестве основы для классификации взят функционально-семантический подход, который предполагает изучение единиц с учетом их функций в речи. Собранный материал позволяет выделить следующие группы в зависимости от того, какую функцию ФЕ выполняет в высказывании.

- 1) Группа фразеологизмов с оценочной функцией, в рамках которой выделены ФЕ, содержащие в себе оценку ситуации, человека или его действий является самой многочисленной (18 единиц): *Бога не бояться, вывести из терпения, двадцать два несчастья, идти на дно, камень на шее, не ваше дело, не в своем уме, нос драть, с ума сойти, свалить дурака, со свиным рылом в калашный ряд, сорить деньгами, тяжело на душе; дело в шляпе, с тяжелый камень с груди (плеч); как рыба без воды, молодо-зелено, русским языком говорить.*
- 2) Группа фразеологизмов, выполняющих кумулятивную функцию, которая подразумевает обобщение жизненного опыта народа (5 единиц): *попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй, голодная собака верует только в мясо, всему на этом свете бывает конец, всякому безобразию есть свое приличие, до свадьбы заживет.*
- 3) Группа фразеологизмов, выполняющих фатическую и этикетную функции, в рамках которой выделены ФЕ, используемые для создания и поддержания контакта (9 единиц): *Бог с тобой (с ним, с ней), Бога ради, видит Бог, Боже мой, не дай Бог, пора и честь знать, Царство Небесное.*

4) Группа фразеологизмов с директивной функцией, в рамках которой выделены ФЕ «непосредственно управляющие, направляющие, воздействующие, а в отдельной перспективе и воспитывающие, формирующие личность» [Костомаров 1983: 268] (3 единицы): *держи карман, чтобы глаза мои тебя не видели, чтобы духу твоего здесь не было.*

5) Группа фразеологизмов, выполняющих функцию номинации действия. К данной группе отнесены единицы, задача которых заключается в замене объектов или действий реального мира фразеологическими обозначениями (6 единиц): *вертеться перед глазами, взглянуть правде в глаза, дать на чай, отвести глаза, напрягать мозги, только нас и видели.*

Анализ способов перевода фразеологических единиц на английский и сербский языки производится по данным группам, начиная с самой многочисленной группы.

В качестве основного источника для дефиниционного анализа был использован «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А.И. Молоткова (1987). Также в работе применялись следующие словари русского, английского и сербского языков: «Фразеологический словарь русского литературного языка» А.И. Федорова (2008); «Большой толково-фразеологический словарь» М.И. Михельсона (2004); «Русско-английский фразеологический словарь» Д.И. Квеселевич (2009); “A Dictionary of Confusable Phrases” Ю. Долгополова, “Cambridge Advanced Learner’s Dictionary”, “Merriam-Webster Dictionary”, “The Free Dictionary by Farlex”, „Фразеолошки речник српског језика“ под редакцией Дж. Оташевича (2012), „Речник савременог српског књижевног језика Матице српске“.

В работе анализируются переводы пьесы А.П. Чехова на английский и сербский языки, выполненные Констанс Гарнетт (1935) и Кириллом Тарановским (1967) соответственно.

2.2. Группа фразеологизмов с оценочной функцией и способы их перевода на английский и сербский языки

К данной группе отнесены ФЕ, содержащие в себе оценку ситуации, человека или его действий. Некоторые из выделенных единиц несут оценку (отрицательную или положительную) через внутренние формы самой фраземы, в то время как другие – приобретают оценочность в контексте. В рамках данного раздела выделены три подгруппы:

- 1) фразеологизмы с негативной оценкой;
- 2) фразеологизмы с положительной оценкой;
- 3) фразеологизмы с нейтральной оценкой.

Дальнейший анализ сохранения функционально-оценочного значения при переводе производится по данным группам.

2.2.1. Группа фразеологизмов с негативным значением и способы их перевода на английский и сербский языки

В качестве фразеологизмов с отчетливо негативным значением в тексте пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» можно выделить 13 единиц (что составляет 31% от общего числа выделенных ФЕ).

Фразеологизм «Бога не бояться» (1) используется в первом действии произведения во время разговора Ани, Вари и Гаева, который прерывает вошедший в помещение Фирс.

(1) Бога не бояться

Входит Фирс.

Фирс (укоризненно). Леонид Андреич, бога вы не боитесь! Когда же спать?

Данный фразеологизм имеет значение: «устар. неодобр. поступать смело, не боясь ничего» [Федоров 2008]. Отрицательная оценка действий содержится как в словарной помете для данной фразеологической единицы («неодобр.»), так и в самом тексте произведения (с помощью ремарки А.П. Чехова «укоризненно»). Таким образом, с помощью данного

фразеологизма Фирс негативно оценивает действия Гаева, призывая его закончить разговор.

(1-ПЯ1) Enter Firs.

Firs: [Reproachfully.] Leonid Andreyevitch, have you no fear of God? When are you going to bed?

В английском переводе данная фразеологическая единица отражается с помощью вопроса *have you no fear of God?* Как видно, для передачи смысла высказывания используется эквивалентная лексика. С точки зрения эмоциональной окраски высказывание потеряло экспрессивность. В частности, в ИЯ есть восклицательный знак («*бога вы не боитесь!*»), а в ПЯ наблюдается замена его на вопросительный («*have you no fear of God?*»), что принципиально меняет коммуникативную направленность высказывания. Вопрос становится риторическим, так как не подразумевает никакого ответа.

Кроме того, английское выражение “to have no fear of God” не относится к фразеологизмам и не фиксируется во фразеологических словарях. Сочетание “fear of God” относится к библеизмам и является компонентом другого фразеологизма – “to put the fear of God into (someone)” (ср. русск. «внушить страх Божий», «нагнать страх Божий» и т.д.).

В переводе фразеологизма «Бога не бояться» в пьесе «Вишневый сад» на сербский язык сохранилась структура русского оригинального предложения:

(1-ПЯ2) Ulazi Firs.

FIRS (prekorno): Leonide Andrejeviču, šta vam je! Kad mislite da spavate?

Сербский перевод русской ФЕ не содержит компонент «Бог», и фразеологизм заменен на разговорное выражение „шта је (коме)“, которое можно перевести на русский как «что с вами!».

¹ Здесь и далее «ПЯ1» – язык перевода №1 (английский язык). «ПЯ2» – язык перевода №2 (сербский язык). «ИЯ» – «исходный язык» (русский язык). В настоящем исследовании в стилистических целях используются как данные сокращения, так и названия языков.

Еще одной фразеологической единицей, содержащей отрицательную оценку, является «выводить из терпения» (2).

(2) *Выводить из терпения*

Яша (машет рукой). Выводят только из терпения.

В анализируемом фрагменте герою Яше сообщают, что пришла его мать, чтобы проститься с ним перед отъездом. После продажи вишневого сада Яша намеревается уехать в Европу. Он занят сбором вещей, «хлопочет около чемоданов»; приход матери в очередной раз отвлекает его и вызывает у него раздражение. Это чувство имеет отражение в определении фразеологизма «выводить из терпения»: «приводить в состояние крайнего раздражения» [Молотков 1987].

Данное высказывание, аналогично предыдущему примеру (1), сопровождается авторской ремаркой («машет рукой»), дополнительно отражающей отношение героя к ситуации.

(2-ПЯ1) *They put me out of all patience!*

В ПЯ1 используется полный эквивалент данной фразеологической единицы: *jolt (put) out of patience*, однако для усиления экспрессии переводчик дополняет данную идиому лексемой *all*, то есть буквально воплощая в речи героя вариант данной ФЕ «выводить из *всякого* терпения»).

В отличие от английского текста, в сербском переводе семантика сохраняется с помощью глагола „*dodijati*“ (букв. «надоесть, досадить»).

(2-ПЯ2) *E baš mi je dodijala!*

Интересно, что в сербском варианте данное высказывание героиней употребляется в отношении матери (букв. «Ох, как она мне надоела!»), хотя в оригинальном тексте героиня отзывается о ситуации в целом («Выводят только из терпения»), вероятно, имея в виду всех побеспокоивших его за этот короткий период времени героев (Фирс, маменька, Дуняша и пр.). Таким образом, функционально-семантическое значение русского фразеологизма соблюдено в сербском тексте лишь отчасти.

Следующий фразеологизм – «идти на одно» (3) – встречается в третьем действии пьесы, также относится к группе ФЕ с отрицательной оценкой и имеет значение «терпеть неудачу, поражение и т.п., погибать; опускаться нравственно». Он используется в одном высказывании с ФЕ «камень на шее» (4), означающим «непреодолимое препятствие, помеху, тяжёлую заботу» [Федоров 2008].

(3, 4) *Идти на дно; камень на шее*

Это камень на моей шее, я иду с ним на дно, но я люблю этот камень и жить без него не могу.

В данном эпизоде Любовь Андреевна получает телеграмму из Парижа от своего возлюбленного, с которым ее связывали непростые отношения. В телеграмме он умоляет Раевскую о приезде. В своей эмоциональной речи с помощью метафорического образа «камня на шее» и ФЕ «идти на дно» Любовь Андреевна говорит о сложных и противоречивых отношениях с этим человеком.

(3,4-ПЯ1) *He's a millstone about my neck, I'm going to the bottom with him, but I love that stone and can't live without it.*

(3,4-ПЯ2) *To mi je kamen o vratu, ja tonem s njim, ali ja volim taj kamen i ne mogu bez njega živeti.*

В английском и сербском текстах ФЕ «камень на шее» переведён с помощью полных эквивалентов: “a millstone about my neck” в значении “to be a responsibility that is difficult to bear and causes you trouble” [Cambridge Dictionary] и „kamen o vratu“ в значении „велика брига, невоља, велике обавете [Оташевић 2012].

Напротив, ФЕ «идти на дно» в обоих случаях переведена нефразеологическим способом. Английский переводчик использовал выражения “go to the bottom”, которое буквально означает «тонуть, идти ко дну», однако не используется в переносном значении. Это подтверждается “A Dictionary of Confusable Phrases”, в котором в качестве трудноразличимых выражений приводится пара “go to the bottom” и “touch bottom” [Dictionary of

Confusable Phrases 2010]. Если первое выражение буквально означает «тонуть, идти ко дну», то второе является идиоматическим и используется в значении «достичь худшего состояния, самого низкого уровня» [Oxford Dictionary]. Таким образом, переводчик мог бы использовать ФЕ “touch bottom”, однако избрал близкое ей выражение “go to the bottom” в переносном значении.

Любопытно, что и поисковый запрос выражения “go to the bottom” в системе Google выдал 122 результата, ни в одном из которых выражение не используется в образном, переносном значении «достигать дна, наихудшего состояния».

ФЕ “touch bottom”, судя по количеству результатов запроса (114) также не является распространенным в английском языке, однако более трети случаев (43) относятся к использованию данного выражения именно в идиоматическом значении. Так как фразеологические словари английского языка не фиксируют *to go to the bottom* в качестве ФЕ, в данном случае мы имеем дело с лексическим переводом, сохраняющим метафорическое значение оригинального русского выражения. В сербском переводе фразеологизм «идти на дно» также переведен с помощью лексического перевода („ja tonem s njim“ буквально означает «я тону вместе с ним»), однако в нём не сохранён компонент «дно», который является важной деталью метафорического образа.

Фразеологизм «не ваше дело» (5) использован персонажем Трофимовым в ответе на язвительную реплику Лопахина:

(5) *Не ваше дело*

Лопахин. Наш вечный студент все с барышнями ходит.

Трофимов. Не ваше дело.

Данная единица используется «при решительном отказе сообщить кому-либо что-либо или допустить вмешательство во что-либо» [Молотков 1987].

(5-ПЯ1) *That's not your business.*

(5-ПЯ2) *Šta se to vas tiče?*

В английском варианте используется полный эквивалент русской ФЕ “not (none of) your business”, в то время как на сербский язык реплика переведена с помощью фразеологического аналога в вопросительной форме („Šta se to vas tiče?“ буквально означает «Как вас это касается?»).

Фразеологизм «не в своём уме» (6) с отрицательной оценкой имеет значение: «быть (находиться, оставаться и т.п.) в ненормальном психологическом состоянии» [Молотков 1987].

(6) *Не в своем уме*

Лопехин. Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... (Топочет ногами.)

Данная ФЕ используется в монологе Лопехина, описывающего свои впечатления от покупки вишневого сада. Таким образом, ФЕ с отрицательной оценкой используется в данном контексте для неотрицательной оценки ситуации, а, скорее, описания своего изумления, смятённого восторга.

(6-ПЯ1) *Tell me that I'm drunk, that I'm out of my mind, that it's all a dream.*

В английском варианте перевода также используется полный эквивалент данной единицы “be out of mind” в значении: “extremely stupid or mentally ill” [Cambridge Dictionary].

(6-ПЯ2) *Recite mi da sam pijan, da nisam pri čistoj svesti, da mi se sve to pričinjava...*

В сербском варианте данная ФЕ переведена с помощью частичного эквивалента „не бити при чистој свести“, буквально означающего «не быть в чистом (трезвом) рассудке» [Матица Српска].

Единица «задирать [драть, поднимать] нос» (7), также относящаяся к группе фразеологизмов с отрицательной оценкой, используется в четвертом действии произведения в значении «зазнаваться, важничать, чваниться» [Молотков 1987].

(7) *Нос драть*

Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе взаймы, потому что могу. Зачем же нос драть? Я мужик... попросту.

Герой Лопахин предлагает Пете Трофимову деньги на дорогу, от которых последний решительно отказывается, ссылаясь на свою внутреннюю свободу и независимость. Лопахин же гордо рассказывает, как заработал сорок тысяч, и, используя фразеологизм «нос драть», обвиняет вечного студента Трофимова в зазнайстве.

(7-ПЯ1) *So here, as I say, I made forty thousand, and I'm offering you a loan because I can afford to. Why turn up your nose? I am a peasant – I speak bluntly.*

(7-ПЯ2) *Ja sam, velim, zaradio četrdeset hiljada i, prema tome, nudim ti na zajam, zato što mogu. A što si ti digao nos? Ja sam seljak... bez uvijanja...*

Значение данного фразеологизма на английский и сербский языки передано с помощью фразеологических эквивалентов. В английском рассматриваемая ФЕ переведена с использованием полного эквивалента 'to turn up one's nose' в значении "to show contemptuous or haughty disdain or distaste" [The Free Dictionary by Farlex]. В сербском – значение ФЕ отражено при помощи фразеологизма „дићи (подићи, издићи) нос“, которое имеет определение, равнозначное русскому «драть нос»: „постати охол, уобразити се“ [Матица Српска]. Поскольку в ИЯ и ПЯ не наблюдается различий в отношении смыслового содержания, стилистической отнесенности и метафоричности, можно утверждать, что английский и сербский фразеологизмы по всем показателям равноценны переводимой единице.

Фразеологизм «сходить с ума» (8) также относится к группе единиц с функцией отрицательной оценки и имеет значение «не давать отчета в своих поступках, действиях, совершая безрассудные поступки, говоря глупости, нелепости и т.п.» [Молотков 1987].

(8) *Сходить с ума*

Любовь Андреевна (испуганно). Да вы с ума сошли!

В первом действии произведения во время разговора с Лопахиним, Яшей и Раевской Пищик берет лекарства, поданные Любове Андреевне, и выпивает их. Действия героя Раевская оценивает при помощи ФЕ «сходить с ума». Ремарка писателя («испуганно») позволяет установить эмотивный характер данного высказывания.

(8-ПЯ1) *Why, you must be out of your mind!*

В английском тексте использован неполный эквивалент “out of your mind”, рассмотренный ранее (пример №6). Эмоциональность данному высказыванию в английском варианте также придает междометие “why”, использованное в значении “expression of a feeling of being surprised, impatient, etc.” [Oxford Dictionary].

(8-ПЯ2) *LJUBAV ANDREJEVNA (uplašeno): Vi ste poludeli!*

В сербском тексте, несмотря на наличие в языке полного эквивалента исходной ФЕ “сићи с ума“, использован лексический перевод фразеологизма при помощи глагола “poludeti” (букв. обезуметь, потерять рассудок). Таким образом, экспрессия сохранена в ПЯ за счет метафорического значения глагола с выраженным отрицательным значением.

Фразеологизм «свалить дурака» (9) относится к ряду единиц, несущих отрицательную оценку через внутреннюю форму самой фраземы, поскольку содержит в себе компонент «дурак» в негативном значении «глупый человек».

(9) *Свалить дурака*

Я-то хорош, какого дурака сваял! Нарочно приехал сюда, чтобы на станции встретить, и вдруг проспал...

В данном эпизоде Лопухин дожидается приезда Раевской, Ани, Яши и Шарлотты Ивановны. Проспав встречу на станции, Ермолай Алексеевич корит себя за то, что не успел встать вовремя, используя ФЕ «валить [ломать] дурака» в значении «делать глупости; поступать не так, как следует» [Молотков 1987].

(9-ПЯ1) *I'm a pretty one; what a fool I've been. Came here on purpose to meet them at the station and dropped asleep...*

В английском тексте используется нефразеологический перевод данного выражения с сохранением лексического компонента «дурак» (“fool”). Следует отметить, что в английском варианте сохранена эмфаза, достигаемая аналогичным русскому тексту способом (с помощью местоимения *какой/what*).

(9-ПЯ2) *A i ja sam krasan, baš sam ispao budala! Namerno sam došao ovamo da ih dočekam na stanici i eto – uspavao sam se...*

Подобным образом ФЕ «валить дурака» переведена на сербский язык (лексический перевод фразеологизма), однако эмфаза сохраняется несколько иначе – с помощью междометия *baš* (букв. «вот так дурак я вышел!») или «ну и дурак я оказался!»).

Следующий пример (10) также связан с выражением отрицательной оценки:

(10) *Со свиным рылом в калашный ряд*

Мужичок... Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд... Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком...

В данном монологе персонаж Лопухин описывает свое «мужицкое» происхождение. Свой нынешний статус «сын мужика» расценивает как нечто, не соответствующее ему по самой его природе. Это несоответствие он выражает посредством фразеологизма «со свиным рылом в калашный ряд», обозначающего «попытки занять неподобающе высокое место, положение и т.п.» и создающего довольно негативный образ в тексте [Михельсон 2004]. Свиным рылом в данном выражении метафорично обозначают торговца свининой, появившегося со своим товаром в неуместном (калашном) торговом ряду.

(10-ПЯ1) *Little peasant... My father was a peasant, it's true, but here am I in a white waistcoat and brown shoes, like a pig in a bun shop. Yes, I'm a rich man, but for all my money, come to think, a peasant I was, and a peasant I am.*

В английском тексте мы имеем дело с попыткой нефразеологического перевода ФЕ методом калькирования. Вместо словосочетания «свиное рыло» в переводе сохранен лишь образ свиньи (*pig*). Таким образом, английский вариант рождает совсем иной образ: не продавца, оказавшегося в неуместном торговом пространстве, а свинью в магазине булочек. Образ свиньи в булочной в некоторой степени рождает ощущение абсурдности, неуместности

ситуации, однако авторская интенция при таком переводе может быть не до конца понята носителями языка.

(10-ПЯ2) *Otac mi je, istina, bio seljak, a ja sam, eto, u belom prsluku, u žutim cipelama. Našla se svinja u čem nije bila... Samo što sam bogat, imam puno para, ali ako čovek dobro pogleda i promisli, onda sam pravi gejak...*

При переводе данной ФЕ на сербский используется устойчивое образное выражение с компонентом «свинья» – „našla se svinja u čem nije bila...“, т.е. букв. «оказалась свинья там, где прежде не бывала». Данное выражение также не является полным эквивалентом русской ФЕ, однако функционально-семантически – соответствует ей, и, в силу распространенности в сербском, понятно носителям языка, что делает данный вариант перевода более удачным.

Фразеологизм «сорить деньгами» (11), который встречается в первом действии произведения, также относится к группе единиц с негативной оценкой и имеет значение «тратить деньги бездумно, без счёта, напоказ» [Федоров 2008].

(11) *Сорить деньгами*

Гаев. Сестра не отвыкла еще сорить деньгами.

С помощью данной ФЕ герой Гаев дает оценку действиям своей сестры Любови Андреевны, которая, не понимая затруднительного финансового положения семьи, призывает брата дать в долг Пищику.

(11-ПЯ1) *Gaev: Sister hasn't got out of the habit of flinging away her money.*

(11-ПЯ2) *GAJEV: Sestra se još nije odlučila da baca novac.*

Значение данного фразеологизма на английский и сербский языки передано с помощью фразеологических эквивалентов. В английском тексте ФЕ переведена полным эквивалентом “to fling away one’s money” в значении “make the money fly, spend money like water” [Квеселевич 2009]. В сербском варианте представлен фразеологизм „бацати новац“ (досл. «бросать деньги») в значении „непромишљено, неразумно, лакомислено, узалуд потрошити/трошити новац“ [Оташевић 2012]. Английский и сербский фразеологизмы в функционально-смысловом и компонентном аспектах

равнозначны единице ИЯ, вследствие чего можно сделать вывод о полном фразеологическом соответствии.

Фразеологизм «тяжело на душе» (12) входит в ряд ФЕ, содержащих негативную оценку состояния во внутренней форме, которая выражается при помощи компонента «тяжело» в значении «тягостно, мрачно, удручающе» [Молотков 1987].

(12) *Тяжело на душе*

У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить, <...> я вся дрожу, а уйти к себе не могу, мне одной в тишине страшно.

В данном эпизоде Любовь Андреевна делится с Трофимовым своим настроением в день продажи имения, описывая чувства при помощи ФЕ «тяжело на душе» в значении «кому-либо грустно, тоскливо, беспокойно, тревожно» [Молотков 1987].

(12-ПЯ1) *My heart is so heavy today, it's so noisy here, <...> I'm shuddering all over, but can't go away...*

В английском тексте используется фразеологический перевод данной единицы с помощью идиоматического выражения “a heavy heart” в значении “a feeling of unhappiness”. Характерно, что в английской ФЕ отсутствует компонент «душа»/“soul”, вместо которого используется единица “heart”. Как утверждает И.В. Бурнос, «значение лексемы *soul* в сознании носителей английского языка не развило такого круга значимых коннотаций, как *душа* в русском языке» [Бурнос 2004: 14]. В отличие от русского, специфику английского национального менталитета определяет, скорее, концепт *mind*, который объединяет в себе как ментальные, так и духовно-социальные характеристики народа. Поэтому в английском фразеологизме “a heavy heart” вместо лексемы “soul” закреплена лексема “heart”.

(12-ПЯ2) *Danas mi je teško na duši, vi to ne možete zamisliti. Ovde je za mene i suviše bučno, <...> ja sva drhtim, a da odem u svoju sobu - ne mogu; kad sam sama, u tišini, obuzima me strah.*

В сербском языке рассматриваемая ФЕ передана при помощи полного эквивалента „тешко је [некоме] при/на души“ в значении „бити нерасположен, опхрван тешким мислима“ [Оташевић 2012]. Данный фразеологизм полностью соотносится с единицей ИЯ, передает метафоричность русского «тяжело на душе» и имеет идентичный компонентный состав.

Особое внимание в группе ФЕ с отрицательной оценкой заслуживает фразеологизм «двадцать два несчастья» (13), представляющий собой окказиональное употребление выражения «тридцать три несчастья».

Данная единица неоднократно используется в произведении в отношении конторщика Епиходова, с которым постоянно случаются какого-либо рода комические неприятности. Вероятно, окказиональное употребление ФЕ в отношении данного героя – не случайно. В выражении компонент «тридцать три» заменен А.П. Чеховым на «двадцать два». То есть действия героя настолько нелепы, что не могут быть описаны традиционным образом, и даже количество его несчастий – комично и не соответствует привычным «нормам».

(13-ПЯ1) *Two and twenty misfortunes!*

(13-ПЯ2) *Dvadeset dva malera!*

Перевод данной ФЕ на английский и сербский языки выполнен посредством метода калькирования. Поскольку оригинальный фразеологизм («тридцать три несчастья») отсутствует в данных ПЯ, буквальный перевод единицы «двадцать два несчастья» не позволяет достичь эффекта, присутствующего в русском тексте. Таким образом, для носителей английского и сербского языков данный персонаж является лишь человеком, связанным с «абстрактным», большим количеством несчастий.

Таким образом, при переводе фразеологизмов с функцией негативной оценки на английский и сербский языки лишь половина исходных ФЕ и в тексте ПЯ1, и в тексте ПЯ2 передана фразеологическим способом: в английском переводе – 8 единиц из 13 (61%), в сербском – 6 единиц из 13 (46%). В остальных случаях в обоих языках используется прием лексического

перевода (в ПЯ1 – два раза; в ПЯ2 – четыре раза), в редких случаях – метод калькирования (в английском переводе – два раза; в сербском – один). Обращает на себя внимание превалирование отрицательных оценочных единиц над положительными и нейтральными. Данная тенденция, как видится, обусловлена сюжетом остросоциальной пьесы и эмоциональной речью героев, сообщающих о своих переживаниях, сомнениях, негодовании и пр.

2.2.2. Группа фразеологизмов с положительным значением и способы их перевода на английский и сербский языки

В качестве фразеологизмов с положительным значением в тексте пьесы «Вишневый сад» выделены 2 единицы: *дело в шляпе*, *снять камень с груди (плеч)* (что составляет 5% от общего числа выделенных ФЕ).

Фразеологизм «дело в шляпе» (14) встречается в первом действии произведения при обсуждении Варей и Гаевым продажи имения. Последний уверен, что продажи можно избежать, если он сам займется сделкой, Раевская поговорит с Лопахиным, а Варя обратится к своей бабушке – графине из Ярославля.

(14) *Дело в шляпе*

Вот так и будем действовать с трех концов — и дело наше в шляпе.

Данная ФЕ имеет значение «все хорошо; все в порядке» при описании успешного завершения, исхода чего-либо [Молотков 1987].

(14-ПЯ1) *So we shall all set to work in three direction at once, and the business is done.*

(14-ПЯ2) *Eto tako ćemo raditi na tri strane – i stvar u redu.*

На оба ПЯ данная единица переведена нефразеологическим способом. В английском тексте использовано нейтральное выражение “*business is done*” в значении «дело сделано»; в сербском – сочетание „*stvar u redu*“ (букв. «дело в порядке»). Вероятно, для сохранения образности текста в английском варианте мог бы быть использован фразеологизм “*be in the bag*”, который по

функционально-семантическим особенностям равнозначен русскому «дело в шляпе».

Фразеологизм «снять тяжелый камень с груди (плеч)» (15) употребляется в первом действии пьесы во время беседы между Раевской, Гаевым и Вари. Любовь Андреевна, вспоминая свое детство, жалеет, что не может вернуть старое.

(15) *Снять камень с груди*

Если бы снять с груди и с плеч моих тяжелый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!

В данном случае мы имеем дело с окказиональным употреблением и слиянием двух фразеологизмов («камень с души (с сердца)» и «гора с плеч»). Кроме того, фразеологизм «упал камень с души (сердца)» использован А.П. Чеховым в несколько измененном варианте субъектно-объектных отношений (камень не «упал», а может быть «снят»).

(15-ПЯ1) *If I could cast off the burden that weighs on my heart, if I could forget the past!*

В ПЯ1 осуществлена попытка приблизиться к образности русского фразеологизма. Несмотря на то, что в тексте представлен нефразеологический перевод выражения, лексема “burden” фактически наделяется физическими свойствами подобно камню (отягощающий, отброшенный). Однако в отличие от оригинала, в котором А.П. Чехов «усилил» образность ФЕ (камень на груди и на плечах), в английском варианте «тяготы» лишь на сердце героини.

В сербском языке, в отличие от английского, присутствует эквивалентный русскому фразеологизм „камен [са душе, с груди]“.

(15-ПЯ2) *LJUBAV ANDREJEVNA: Da mi je skinuti s grudi i s pleća teški kamen, da mi je zaboraviti prošlost.*

Несмотря на то, что в сербском языке отсутствует выражение «гора с плеч», использованное А.П. Чеховым в сочетании с ФЕ «камень с души (груди)», в ПЯ2, подобно русскому варианту, использованы образы груди и плеч, что приближает сербский перевод к оригиналу.

Как видно, оба фразеологизма, относящиеся к данной группе, переведены дескриптивно как на английский, так и на сербский языки. Прежде всего, это вызвано окказиональной природой ФЕ (пример №15), а также использованием А.П. Чеховым национально-коннотированных по происхождению единиц, не имеющих аналогов и эквивалентов в других лингвокультурах (пример №14).

2.2.3. Группа фразеологизмов с нейтральным оценочным значением и способы их перевода на английский и сербский языки

К данной группе в настоящей выборке относятся фразеологизмы, которые с точки зрения семантической значимости нельзя определить ни к отрицательной, ни к положительной оценке. Такого рода оценка связана с выражением достаточно безразличного отношения к ситуации или элементу ситуации. Говорящий демонстрирует аксиологический признак, который можно обозначить как «обычный» фактор, т.е. типичный, нормальный в данных условиях. В качестве фразеологизмов с нейтральным значением в тексте оригинала выделены три единицы: *как рыба без воды, молодо-зелено, русским языком говорить* (что составляет 7% от общего числа выделенных ФЕ).

Следует отметить, что нейтральная оценка не так продуктивна в речи по сравнению со средствами выражения положительного и отрицательного оценивания. Данная тенденция вызвана «эмотивностью человеческих отношений» – в языке чаще «фиксируется аномалия, чем норма» [Головня 2010: 62].

Фразеологизм «как рыба без воды» (16) встречается в четвертом действии произведения во время разговора Раевской и Лопехина. Любовь Андреевна признается, что после продажи имения она уезжает с двумя заботами – больной Фирс и ее приемная дочь Варя, жизнь которой тяжело представляется без работы.

(16) Как рыба без воды

Вторая моя печаль — Варя. Она привыкла рано вставать и работать, и теперь без труда она как рыба без воды.

Рассматриваемая ФЕ представляет собой окказионализм, в данном случае – антонимичное употребление выражения «как рыба в воде», имеющего значение «свободно, непринужденно, хорошо (чувствовать себя где-либо)» [Молотков 1987]. За счет антонимичного использования фразеологизма становится понятным, что жизнь Вари после отъезда из имения будет сложной и непривычной.

(16-ПЯ1) My another anxiety is Varya. She is used to getting up early and working; and now, without work, she's like a fish out of water.

В английском тексте используется фразеологический перевод единицы с помощью полного эквивалента “like a fish out of water”. Необходимо отметить, что в отличие от выражения “like a fish out of water” («как рыба без воды») в английском языке отсутствует ФЕ «как рыба в воде» с компонентом “fish”. Для передачи значения свободного и непринужденного состояния в английском используется ФЕ “like a duck to water”, в котором вместо образа рыбы используется образ утки.

(16-ПЯ2) Druga mi je briga – Varja. Ona je naučila da rano ustaje i da radi, i sad je, bez posla, kao riba bez vode.

В сербском переводе анализируемый фразеологизм отражен при помощи антонимичного употребления ФЕ „осећати се (сналазити се, бити) као риба у води“ („осећати се пријатно, угодно, сигурно; добро се сналазити се“ [Оташевић 2012]), эквивалентной русскому «как рыба в воде». В сербском варианте, в отличие от английского, окказиональность единицы ИЯ сохраняется.

Фразеологизм «молодо-зелено» (17) используется в третьем действии пьесы в значении «неопытен, неискушен, несведущ в чем-либо, легкомыслен по молодости лет».

(17) Молодо-зелено
Пальто на нем легкое, демисезон, того гляди простудится. Эх, молодо-зелено.

Лакей Фирс обсуждает с Яшей, Аней и Раевской Гаева, который отправился на торги и до сих пор не вернулся. Внешний вид Гаева восьмидесятилетним Фирс оценивает как легкомысленный, свойственный молодому человеку. При этом в своем высказывании не дает положительной или отрицательной оценки, а описывает стереотипное представление о молодежи. За счет междометия «эх» высказывание дополнительно приобретает тон ироничной констатации.

(17-ПЯ1) He has his light overcoat on, demi-saison, he'll catch cold for sure. Ach! Foolish young things!

В английском варианте представлен нефразеологический перевод данной ФЕ при помощи сочетания “foolish young things” (досл. «глупые молодые поступки»). Предлагаемая рядом словарей (Merriam-Webster, Русско-английский фразеологический словарь) в качестве аналога ФЕ «молодо-зелено» идиома “wet behind the ears” (ср. русск. «молоко на губах не обсохло»), в целом, отражает смысл выражения ИЯ, однако не содержит семантический оттенок легкомысленности, важный для данного контекста. Следовательно, лексический перевод единицы «молодо-зелено» оправдан, т.к. русское выражение не имеет контекстуального эквивалента.

(17-ПЯ2) A Leonida Andrejeviča još nikako nema, nije još stigao. Kaput mi je lak, polusezonski, može lako da nazebe. Eh, što ti je mladozeleno.

В сербском тексте также используется нефразеологический перевод, ФЕ передан методом калькирования “mladozeleno” ввиду отсутствия фразеологического эквивалента в ПЯ.

Фразеологизм «русским языком говорить» (18) в значении «(говорить, сказать) совершенно ясно, так, что понятно каждому» [Молотков 1987] встречается во втором действии произведения во время диалога Раевской и Лопахина. Последний объясняет Любове Андреевны, что во избежание продажи имения им необходимо срочно предпринять определенные действия.

(18) Русским языком говорить

Вам говорят русским языком, имение ваше продается, а вы точно не понимаете.

Несмотря на ясные доводы Лопехина, Любовь Андреевна слабо воспринимает новости о бедственном положении семьи и остается уверена, что имение еще удастся спасти.

(18-ПЯ1) One tells you in plain Russian your estate is going to be sold, and you seem not to understand it.

В английском тексте употреблен окказиональный вариант ФЕ “in plain language” (простым, доступным языком). Компонент “language” заменен на “Russian” с целью максимально приблизиться к ИЯ.

(18-ПЯ2) Govori vam se prosto i jasno: vaše se imanje prodaje, a vi kao da ne razumete.

В сербском варианте не обнаруживается стремление к дословному переводу и использованию компонента «русский язык», вместо этого значение исходной ФЕ отражено за счет лексического перевода „govoriti prosto i jasno“ (досл. «говорить просто и ясно»).

Как видно, при переводе фразеологизмов, относящихся к группе ФЕ с нейтральной оценкой применялись как фразеологический способ, так и лексический. В английском тексте в 2 из 3 случаев фразеологизмы ИЯ переданы с помощью фразеологизмов ПЯ1, в сербском – 1 из 3 случаев.

2.3. Группа фразеологизмов, выполняющих кумулятивную функцию, и способы их перевода на английский и сербский языки

К данной группе относятся фразеологизмы (в настоящей выборке – 5 примеров), которые содержат в себе отсылку к опыту, традициям, жизненному укладу народа, приобретенных в течение нескольких поколений. Например: *попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй, голодная собака верует только в мясо, всему на этом свете бывает конец, всякому безобразию есть свое*

приличие, до свадьбы заживет (что составляет 12% от общего числа выделенных ФЕ).

ФЕ «попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй» (19) встречается в начале третьего действия пьесы:

Пищик. Я полнокровный, со мной уже два раза удар был, танцевать трудно, но, как говорится, попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй.

Герой Пищик во время сцены бала, которая открывает третье действие, ссылается на плохое самочувствие. Однако несмотря на то, что герою трудно танцевать, посредством авторского фразеологизма «попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй» он утверждает, что, находясь в каком-либо коллективе, нужно следовать правилам этого коллектива.

(19-ПЯ1) PISHTCHIK: I am a fool-blooded man; I have already had two strokes. Dancing's hard work for me, but as they say, if you're in the pack, you must bark with the rest.

В английском тексте значение рассматриваемой единицы отражено посредством метода калькирования – “if you're in the pack, you must bark with the rest” (досл. «находясь в стае, лай вместе с остальными»). Нельзя сказать, что при дословном переводе на ПЯ-1 русское выражение утратило всю образность, однако следует отметить, что в составе английского языка существует идиома “When in Rome, do as the Romans do”, значение которой наиболее близко исходной ФЕ: “when you are visiting another place, you should follow the customs of the people in that place” [Cambridge Dictionary].

(19-ПЯ2) PIŠČIK: Ja sam punokrvan, mene je već dva put udarila kaplja, teško mi je igrati, ali, što se kaže, u kakvo se kolo uhvatiš, u onakvom i igrāj.

В сербском тексте при переводе данной ФЕ использован аналог „u kakvo se kolo uhvatiš, u onakvom i igrāj“ (букв. в каком коло окажешься, в таком и танцуй). Анализ словарных источников и поиск в системе Google не обнаружил существование данного выражения в составе ПЯ2. Можно сделать вывод, что данное выражение является авторским и создано наподобие оригинальной единицы русского текста, при этом – с ярко выраженным

сербским национальным колоритом (коло – народный сербский танец, хоровод).

Еще одним фразеологизмом, выполняющим в тексте оригинала кумулятивную функцию, является единица «голодная собака верует только в мясо» (20), которая встречается в монологе Пищика вслед за рассмотренным ранее примером №19.

*(20) Голодная собака верует только в мясо
Но вот беда: денег нет! Голодная собака верует только в мясо... (Храпит и тотчас же просыпается.) Так и я... могу только про деньги...*

В данном эпизоде «вечный должник» Пищик жалуется на нехватку денег. На протяжении всей пьесы герой постоянно нуждается в деньгах и ищет, у кого бы взять займы. В ФЕ «голодная собака верует только в мясо» отражен опыт человека, который вечно «всем должен»: после ряда отказов окружающих дать займы герой уже не верит пустым обещаниям.

(20-ПЯ1) A hungry dog believes in nothing but meat.

(20-ПЯ2) Gladno pseto veruje samo u meso...

В ПЯ1 и ПЯ2 фразеологизм переведен методом калькирования. Поиск эквивалента в ПЯ усложняется авторским происхождением данной единицы.

Фразеологизм «всему на свете бывает конец» (21) также принадлежит герою Пищику, который использует его в финале пьесы. Узнав об отъезде бывших владельцев Вишневого сада, Пищик сильно расстраивается. Сквозь слезы попрощавшись с друзьями, персонаж также размышляет о собственной судьбе.

*(21) Всему на этом свете бывает конец
Ничего... Будьте счастливы... Бог поможет вам – Ничего... Всему на этом свете бывает конец...*

Данное выражение образовано автором на основании пословицы «всему приходит конец».

(21-ПЯ1) Never mind... be happy. God will succor you... no matter... everything in this world must have an end.

(21-ПЯ1) *Ništa... Neka vam je srećno... Bog će vam pomoći... Ništa... Sve ima svoj kraj...*

В английском и сербском вариантах значение ФЕ снова передано посредством нефразеологического перевода, методом калькирования. В ПЯ2 отсутствует компонент «на этом свете», хотя сохранение данного компонента позволило бы использовать выражение, аналогичное уже существующим в составе сербского языка единицам – например, „све на овом свету има цену“ («у всего на этом свете есть цена»).

Следующим фразеологизмом, который относится к группе ФЕ с кумулятивной функцией, является сочетание «всякому безобразию есть свое приличие» (22).

(22) *Всякому безобразию есть свое приличие*
Лопухин (сердито). Всякому безобразию есть свое приличие!

Данная единица используется во втором действии пьесы. Во время прогулки героев у старой часовни прохожий интересуется у Раевской и Гаева, как пройти до станции, а затем просит подать «голодному россиянину копеек тридцать». В ответ на дерзкую просьбу Лопухин использует ФЕ «всякому безобразию есть свое приличие» в значении «необходимо знать меру». Данный авторский фразеологизм семантически и функционально схож с распространенным в ИЯ выражением «посади свинью за стол, она и ноги на стол» – «о том, кто ведет себя распушенно, развязно» [Михельсон 2004].

(22-ПЯ1) *ЛОПУХИН: [Angrily.] There's a right and a wrong way of doing everything!*

В английской версии данное выражение не было понято при переводе: вариант “There’s a right and a wrong way of doing everything!” (букв. «Все что ни делается имеет правильный и неправильный способ») семантически не совсем соответствует русской ФЕ. Возможно, более удачным вариантом перевода стала бы английская идиома “give him an inch and he'll take an ell” (ср. русск. «дай ему вершок, он все три аршина отхватит»).

(22-ПЯ2) *ЛОПУХИН (ljutito): Svaka svinjarija mora da ima svojih granica.*

В сербском варианте при переводе использовано окказиональное выражение „svaka svinjarija mora da ima svojih granica“ (досл. «у любого свинства должны быть пределы»). Таким образом, при переводе русской ФЕ применен не существующий в ИЯ компонент „svinjarija“, внутренняя форма которого несколько меняет весь оттенок высказывания персонажа, которое в результате приобретает выраженную негативную и грубую коннотацию.

Фразеологизм «до свадьбы заживет» (23), который используется в первом действии пьесы, имеет следующее значение: «не стоит расстраиваться, скоро пройдет» [Молотков 1987]. Обычно данная единица употребляется в качестве утешения кому-либо по поводу незначительных огорчений, боли и т.п.

(23) До свадьбы заживет

Любовь Андреевна, как сейчас помню, еще молоденькая, такая худенькая, подвела меня к рукомойнику, вот в этой самой комнате, в детской. «Не плачь, говорит, мужичок, до свадьбы заживет...»

В данном эпизоде герой Лопухин вспоминает, как его в детстве отец выпивши ударил по лицу кулаком. Расстроенного мальчика, у которого «кровь пошла из носу», Раевская успокаивала, используя в речи ФЕ «до свадьбы заживет».

(23-ПЯ1) “Don’t cry, little peasant,” says she, “it will be well in time for your wedding day”.

В английском тексте данный фразеологизм переведен методом калькирования. В связи с отсутствием эквивалентной единицы в ПЯ1 такой перевод, вероятно, может сбить с толку носителей английского языка – свадьба, вероятно, может быть воспринята не как абстрактное и образное событие, а как реальное, о котором в пьесе речь не идет. В связи с этим целесообразным представляется использование в английском переводе таких известных носителям языка единиц, как: “you will be as good as new”, “it will pass before long”, “broken bones well set become stronger” [Collins Dictionary], семантически близких рассматриваемой единице ИЯ.

(23-ПЯ2) „*Ne plaći – veli – seljaćiću, proći će...*”

В сербском варианте, ввиду отсутствия эквивалента в составе языка, используется вариант лексического перевода единицы с помощью глагола „proći“ (букв. «пройти, перестать беспокоить»).

Таким образом, группа фразеологизмов с кумулятивной функцией создает трудности при переводе на иностранный язык: из 5 ФЕ данной группы фразеологическим способом переведена лишь одна единица (пример №19, перевод на сербский язык), кроме того, при переводе одного из фразеологизмов на английский язык допущена ошибка. В большинстве случаев (4 из 5 случаев в английском тексте и 2 из 5 – в сербском) переводчики прибегают к методу калькирования, что, возможно, является удачным вариантом для перевода с точки зрения сохранения национальной окраски текста.

2.4. Группа фразеологизмов, выполняющих фатическую и этикетную функции, и способы их перевода на английский и сербский языки

В рамках данной группы выделены ФЕ, которые выполняют в тексте функцию установления контакта, продолжения и прекращения коммуникации (фатическая функция), т.е. обсуживают языковой контакт, необходимый для достижения коммуникации [РЭ 1998: 386]. Также к данной группе были отнесены фразеологизмы, которые представляют собой этикетные высказывания (извинение, поздравление, похвала и т.п.). Всего к группе относится девять фразеологических единиц: *Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]*, *Бога ради, видит Бог, Боже мой, не дай Бог, пора и честь знать, Царствие (царство) Небесное* (что составляет 21% от общего числа выделенных ФЕ).

Фразеологизм «Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]» является полисемичным. В тексте пьесы «Вишневый сад» данная ФЕ встречается в трех разных значениях.

В первом действии произведения этот фразеологизм (24) используется в значении «пусть будет так, ну да ладно» [Молотков 1987].

*(24) Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]
У него дела много, ему не до меня... и внимания не обращает. Бог с ним совсем,
тяжело мне его видеть.*

В данном отрывке Варя признается Ане, что устала от неопределенности в отношениях с Лопахиным. Осознав, что никаких изменений не произойдет, она смирилась с ситуацией.

*(24-ПЯ1) He has a lot to do, he has not time for me... and takes no notice of me.
Bless the man, it makes me miserable to see him...*

В ПЯ1 рассматриваемый фразеологизм переведен с помощью выражения “to bless somebody” в значении “something you say to tell someone you are grateful to them when they have been kind to you” [Cambridge Dictionary]. Значение русского фразеологизма ошибочно передано в английском тексте. Более приближенными к фразеологизму ИЯ, вероятно являются следующие английские ФЕ: “God forgive you”, “let it pass”, “never mind”, “forget it”

*(24-ПЯ2) On ima mnogo posla, nije tu do mene... On i ne obraća pažnju na mene,
neka ide s milim bogom, teško mi je i da ga gledam...*

В ПЯ2 наблюдается частичный эквивалент – ФЕ „neka ide s milim Bogom“ (досл. «пусть идет с милым Богом»), используемая в значении „у нестрпљењу: остави(те), престани(те)“ и, в целом, соответствующая исходной единице [Оташевић 2012].

Рассмотренной выше фразеологизм «Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]» (25) используется в тексте ИЯ и в ином значении – при выражении «удивления, упрека, несогласия и т.п.» [Молотков 1987].

*(25) Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]
Любовь Андреевна. Посмотрите, покойная мама идет по саду... в белом
платье! (Смеется от радости.) Это она.
Гаев. Где?
Варя. Господь с вами, мамочка.*

В данном эпизоде с помощью указанного фразеологизма Варя выражает недоверие и опасение, вызванное репликой матери.

(25-ПЯ1) *Oh, don't, mamma!*

В ПЯ1 не использованы варианты, частично эквивалентные русской ФЕ (например, “God bless you”, “God forbid”). Вместо этого выбор пал на императивное выражение “Oh, don't”, которое при сравнении с оригинальной ФЕ представляется более резким. Более негативная коннотация в переводе приобретает за счет отсутствия в английском варианте уменьшительно-ласкательного «мамочка».

(25-ПЯ2) *Bog s vama, mamice.*

Совсем иным образом обстоят дела в сербском тексте, где морфологические и лексические особенности языка позволяют в точности воспроизвести оригинальную реплику. ФЕ „Бог с тобом (вама)“, эквивалентно русскому «Господь с вами», используется в значении „(поштапалица за појачавање чуђења, пребацавања, прекора) пази шта радиш, прибери се, опамети се“ [Оташевић 2012].

В первом действии пьесы фразеологизм «Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]» (26) также используется в третьем значении: «пусть все будет хорошо, удачно и т.п.» [Молотков 1987].

(26) *Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними]*

Гаев (целует ей лицо, руки). Господь с тобой. Как ты похожа на свою мать!

В данном эпизоде представлен диалог Ани и Гаева. Давно не видевший племянницу Аню Гаев радуется встрече с ней и употребляет в речи указанный фразеологизм, проявляя тем самым заботу о родственнице.

(26-ПЯ1) *God bless you! How like you are to your mother!*

(26-ПЯ2) *Neka ti je bog u pomoći! Kako ličiš na majku!*

В английском и сербском текстах значение данной ФЕ передано посредством полных эквивалентов: в ПЯ1 – с помощью выражения “God bless you” (досл. «да благословит тебя Бог») в значении “may good things happen to you” [Cambridge Dictionary], в ПЯ2 – за счет единицы “Neka ti je bog u pomoći”

(досл. «пусть Господь будет тебе в помощь») в значении „Бог ти помогао“ [Оташевић 2012].

Фразеологизм «Бога ради» (27) также относится к единицам, выполняющим фатическую функцию, и имеет значение «пожалуйста; очень прошу» [Молотков 1987]. Следует отметить, что наряду с фатической функцией данная ФЕ выполняет экспрессивную функцию усиления коммуникативного значения.

(27) Бога ради

Трофимов (сквозь слезы). Простите за откровенность бога ради: ведь он обобрал вас!

В третьем действии произведения «вечный студент» Петя Трофимов в разговоре с Раевской использует данную единицу в речи для выражения усиленной просьбы поверить его словам.

(27-ПЯ1) TROFIMOV. [Weeping] For God's sake forgive my frankness: why, he robbed you!

В английском тексте используется полный эквивалент данной ФЕ “for God’s sake” в значении “used to emphasize requests or orders when you are angry or have lost patience” [Cambridge Dictionary].

(27-ПЯ2) TROFIMOV (kroz suze): Oprostite mi što ću biti iskren, tako vam boga: pa on vas je opljačkao!

В сербском тексте также используется фразеологический перевод данного выражения „tako vam boga“; однако следует отметить, что по частоте употребления он не так распространен, как вариант „забога“, который имеет значение, аналогичное русскому «Бога ради»: „у усрдној молби, преклињању“ [Матица Српска].

Фразеологизм «видит Бог» (28), также выполняющий фатическую функцию, встречается в первом действии пьесы в значении «клянусь, говорю правду» [Федоров 2008].

(28) Видит Бог

Видит бог, я люблю родину, люблю нежно, я не могла смотреть из вагона, все плакала.

В рассматриваемом эпизоде Любовь Андреевна восхищается родным именем и говорит о своей любви к родине. Выражение «видит Бог» употребляется для заверения собеседников (в данном случае – Вари, Фирса, Лопахина и Гаева) в истинности ее слов.

(28-ПЯ1) *God knows I love my country, I love it tenderly; I couldn't look out of the window in the train, I kept crying so.*

(28-ПЯ2) *Bog mi je svedok, ja volim otadžbinu, volim je nežno, nisam mogla da gledam iz vagona, samo sam plakala.*

На английский и сербский языки данное выражение переведено с помощью полного и частичного эквивалентов: на английский – посредством ФЕ “God knows” (досл. «Бог знает») в значении “to emphasize the truth of a statement” [Oxford Dictionary], на сербский – при помощи фразеологизма „Bog mi je svedok“, синонимичного русскому «Бог – свидетель».

Еще одной ФЕ, выполняющей фатическую функцию в тексте, является фразеологизм «Боже мой» (29), который используется для «выражения радости, удивления, восторга, негодования и т.п.» [Молотков 1987].

(29) *Боже мой*

Боже мой, господи, вишневый сад мой!

В данном эпизоде Лопахин сообщает Раевской новость о том, что он купил вишневый сад на торгах. Исполненный счастьем, он восклицает: «Вишневый сад теперь мой! Мой!». ФЕ «Боже мой» в данном контексте способствует усилению чувства радости и успеха.

(29-ПЯ1) *My God, the cherry orchard's mine!*

(29-ПЯ2) *Gospode bože, višnjik je moj!*

В английском и сербском текстах использованы полные эквиваленты при переводе данного фразеологизма. В ПЯ1 употребляется сочетание “My God” в значении “to emphasize how surprised, angry, shocked, etc. you are” [Cambridge Dictionary]; в ПЯ2 применяется выражение „Gospode bože“, имеющее значение, равнозначное исходной ФЕ: „(са додатком: благи, господе, мили и сл.) за изражавање великог чуђења, зграњавања“ [Матица Српска].

Рассмотрим ФЕ „Не приведи [не дай] Господи [Бог]» (30), который используется для «выражения предупреждения, предостережения о нежелательности, недопустимости чего-либо» [Молотков 1987].

*(30) Не дай Бог
Не дай бог, застрелится.*

В данном фрагменте Дуняша обсуждает с Яшей конторщика Епиходова, который, жалуясь на нелегкую судьбу, сообщил, что у него имеется револьвер и что ему известно «что с ним делать». В испуге Дуняша произносит данную ФЕ.

(30-ПЯ1) God grant he doesn't shoot himself!

(30-ПЯ2) Ne dao bog, ubiće se.

На английский язык данная ФЕ переведена эквивалентной единицей “God grant” в значении ‘used to express a wish that something should happen’ [Cambridge Dictionary], единственным отличием которой от русского варианта является «перенос» отрицательной формы глагола на сказуемое. На сербский язык фразеологизм также переведён полным эквивалентом „не дај Боже, не дај (дао јаки) Бог“ в значении „ни приближно, никако“ [Матица Српска].

Фразеологизм «пора [надо] и честь знать» (31) встречается в первом действии произведения и имеет значение «настало время уйти, удалиться» [Молотков 1987].

*(31) Пора и честь знать
Что ж, господа? Третий час, пора и честь знать.*

В данном эпизоде Варя обращается к Лопахину и Пищигу, которые, на ее взгляд, утомили Любовь Андреевну своими разговорами. При помощи выражения «пора и честь знать» Варя демонстрирует своего рода требование к засидевшимся гостям закончить встречу и уйти. Поскольку просьба носит «сдержанный и вежливый» характер [Балакай 2001] «пора и честь знать» относится к группе ФЕ с этикетным значением.

(31-ПЯ1) Well, gentlemen? It's three o'clock and time to say good-bye.

На английский язык данная ФЕ переведена лексическим методом с помощью конструкции “it’s time to...”, несмотря на существующие в языке аналоги ‘it’s time for honest folks to be abed’ в значении “it is time decently to go. often said before starting to leave someone's home, a party” [Квеселевич 2009] и “one must not overstay one's welcome – to be no longer welcome to stay in a place because one has stayed too long, been impolite, etc”. [Merriam-Webster Dictionary].
(31-ПЯ2) *Šta čekate, gospodo? Skoro će tri sata, vreme je da idete.*

На сербский язык данная ФЕ переведена лексическим способом, с использованием аналогичной английскому варианту конструкции „время је да идете...“ (досл. «время уходить»). Фразеологический перевод единицы «пора и честь знать» на сербский возможен посредством выражения „сиктер-кафа“ (букв. «прощальный кофе»), используемое с целью «намекнуть» гостю, что пора собираться домой. Описанная единица оправданно не задействована в данном переводе, так как является национально-коннотированной и стилистически несоответствующей контексту пьесы.

Фразеологизм «Царствие Небесное» (32) относится к группе ФЕ, выполняющих этикетную функцию, и употребляется «при упоминании о покойном, обычно как пожелание ему загробной жизни в раю» [Молотков 1987].

(32) *Царствие (царство) Небесное*
Да, царство небесное. Мне писали.

В данном эпизоде Гаев сообщает Раевской о смерти няни, случившейся во время пребывания Любовь Андреевны за границей. Раевская, которая знала о произошедшем, использует выражение «Царствие Небесное». ФЕ предполагает эмоциональную яркость речи в рамках принятого в обществе этикета. Этикетный характер выражения фиксируется в «Словаре русского речевого этикета»: «пожелание в адрес умершего загробной жизни в раю. Говорится верующими людьми обычно на похоронах, поминках, при получении известия о смерти кого-либо, а также при упоминании в разговоре о покойном» [Балакай 2001].

(32-ПЯ1) *Yes, the Kingdom of Heaven be hers! You wrote me of her death.*

В английском тексте используется калька русского выражения «Царствие (кому) Небесное!» – “the Kingdom of Heaven be his/hers”. Примечательно, что анализ употребительности данного выражения в английском языке, произведенный с помощью поисковой системы Google, показал, что данное выражение встречается в переводах произведений русской литературы (Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.П. Чехова), выполненных различными авторами²; однако данное выражение не отмечается английскими фразеологическими словарями как заимствованное или характерное для английской лингвокультуры.

Удачным вариантом для перевода русской этикетной ФЕ представляется соответствующее ей по смыслу английское выражение “May he rest in heaven (or peace)!”.

(32-ПЯ2) *Da, bog da joj dušu prosti! Pisali su mi.*

В сербском тексте при переводе анализируемой ФЕ используется аналог „Bog da joj dušu prosti“ (досл. «Пусть Бог простит ее душу») – выражение, которое имеет значение, близкое русскому «Царствие (кому) Небесное»: „при спомињању покојника“.

Таким образом, анализ перевода группы фразеологизмов с фатической и этикетной функцией в пьесе на английский и сербский язык показал следующий результат: функциональное назначение фразеологизмов данной группы сохранено в 8 случаях из 9 (88%) в английском тексте и в 9 случаях (100 %) – в сербском. При этом половина ФЕ в английском тексте переданы посредством лексического перевода, без поиска адекватного фразеологического аналога, в то время как в сербском тексте 8 из 9 единиц переведены с помощью полных, реже – частичных, эквивалентов. Данная

² The Three Sisters / Translation revised and notes added 1998 by James Rusk and A. S. Man <https://www.ibiblio.org/eldritch/ac/sisters.htm#act2>
Full text of "The novels and stories of Ivan Turgenieff. Translated from the Russian by Isabel F. Hapgood, with an introd. by Henry James"

закономерность, вероятней всего, объясняется родством сербского и русского языков, а также распространенностью церковнославянского языка в обеих культурах (близость русской и сербской лингвокультур особенно ярко проявляется при переводе выражений, имеющих отношение к церковной и „божественной“ тематике). Ошибочное понимание одного из таких фразеологизмов английским переводчиком, вероятно, связано с отсутствием такой близости между английским и русской лингвокультурами.

2.5. Группа фразеологизмов, выполняющих директивную функцию, и способы их перевода на английский и сербский языки

В данную группу входят фразеологические единицы, которые имеют непосредственное воздействие на адресата (совет или управление). В тексте оригинала выявлено три фразеологизма, выполняющих данную функцию: *держи карман; чтобы глаза мои тебя не видели; чтобы духу твоего здесь не было.*

(33) Держи карман

Пищик. Двести сорок рублей... проценты по закладной платить.

Любовь Андреевна. Нет у меня денег, голубчик.

Пищик. Отдам, милая... Сумма пустяшная...

Любовь Андреевна. Ну, хорошо, Леонид даст... Ты дай, Леонид.

Гаев. Дам я ему, держи карман.

Фразеологизм «держи карман (шире)» (33) имеет следующее определение в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А.И. Молоткова: «не надейся, не рассчитывай на что-либо, не жди чего-либо». Герой Гаев отказывается дать в долг Пищику и подтверждает свой отказ некоторой иронической издевкой. Использование императива указывает на директивную функцию высказывания. В данном случае подразумевается, что Гаев призывает Пищика перестать просить в долг, т.к. очевидно не собирается удовлетворять его просьбу. Т.е. данная ФЕ по своей структуре уже носит директивный характер.

(33-ПЯ1) Me give it to him! Let him wait till he gets it!

В английском переводе форма императива сохраняется за счет глагола *to let*. Оригинальная единица переведена нефразеологическими средствами, а с помощью лексических (опущение компонента «карман»), и эквивалентна русскому «(пусть) подождет!». Также обращает внимание тот факт, что в английском переводе имеет место разделение одного предложения на два, как видно, с целью придать больше экспрессии.

(33-ПЯ2) *Daći ti – ako ti ne treba.*

В сербском тексте имеет место ошибочное понимание и перевод данной ФЕ, вероятно, в связи с опущением одного из компонентов фразеологизма (букв. «дам ему – если ему не нужно»).

В переводе на сербский язык совершается грамматическая трансформация – повелительное наклонение (императив) заменяется условным: *держи карман* – повелительное наклонение; *ako ti ne treba* – условное.

Еще одним фразеологизмом, выполняющим в тексте произведения директивную функцию, является фразеологизм «Чтобы (и) духу [праху] не было» (34), который выражает категорическое требование, «чтобы кто-либо немедленно ушел, удалился и не появлялся где-либо».

(34) *Чтобы духу твоего здесь не было!*

Варя (выйдя из себя). Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идет к двери, она за ним.

Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!

Епиходов вышел, за дверью его голос: «Я на вас буду жаловаться».

В данном отрывке рассерженная Варя выгоняет из помещения Епиходова. Экспрессия достигается не только с помощью авторского комментария («выйдя из себя»), но и за счет использования трех фразеологических единиц подряд. Закономерно, что все предложения от лица Вари – восклицательные по интонации. Кроме того, большая часть из них вновь имеет форму повелительного наклонения. И, как видно, с помощью данных лингвистических средств достигается должный эффект – герой

покидает комнату («Епиходов вышел»). Т.е. героиня оказывает прямое воздействие на Епиходова и буквально управляет им, тем самым подтверждая директивную функцию используемых фразеологических единиц.

(34-ПЯ1) *Take yourself off!*

На английский язык фразеологизм переведен с помощью фразового глагола “to take oneself off”, который имеет значение «уходить, уезжать, удалиться, сниматься с места»: “to leave a place; to make somebody leave a place” [Oxford Dictionary]. С точки зрения грамматики при переводе предложение сохраняет форму императива и передает смысл оригинала.

(34-ПЯ2) *Da nisi više ovamo ni privirio!*

Аналогично русскому оригиналу, в сербском тексте в сочетании с глаголом используется отрицательная частица (русск. – *Чтобы духу твоего здесь не было!* серб. – *Da nisi više ovamo ni privirio!*). И в английском, и в сербском переводе мы имеем дело с лексическим переводом оригинального ФЕ. Ввиду отсутствия полного эквивалента фразеологизма «чтобы духу твоего здесь не было!» в английском и сербском, ни одному из переводчиков не удалось предложить вариант с сохранением компонента «дух».

(35) *Чтобы глаза мои тебя не видели!*

Варя (выйдя из себя). Сию же минуту вон отсюда! Вон!

Он идет к двери, она за ним.

Двадцать два несчастья! Чтобы духу твоего здесь не было! Чтобы глаза мои тебя не видели!

Следующей единицей, относящейся к группе фразеологизмов с директивной функцией, является ФЕ «Глаза бы (мои) не глядели [не смотрели]» (35), которая имеет значение «совсем не хочется видеть кого-либо или что-либо, настолько это противно, неприятно и т.п.». В пьесе данный фразеологизм используется сразу вслед за рассмотренным нами ранее «Чтобы духу твоего здесь не было!» и является его контекстным синонимом.

(35-ПЯ1) *Don't let me set eyes on you!*

В английском переводе используется идиоматическое выражение “to set eyes on somebody” в значении «увидеть кого-либо или что-либо». Как и в

рассмотренных ранее примерах, сохраняется грамматическая структура предложения, за счет чего в английском тексте выполняется директивная функция.

(35-ПЯ2) Da te moje oči više ne vide!

На сербский язык рассматриваемый фразеологизм переведен с помощью полного эквивалента. ФЕ „да те моје очи не виде“ фиксируется фразеологическим словарем сербского языка Д. Оташевича и имеет определение, аналогичное русскому «Глаза бы (мои) не глядели [не смотрели]»: „не појављуј се више преда мном, не долази више у контакт, у додир са мном“ [Оташевић 2012].

В целом, можно сказать, что фразеологизм «Чтобы глаза мои тебя не видели!» вызвал наименьшие затруднения при переводе: как в английском, так и в сербском текстах найдены подходящие эквиваленты с компонентом «глаза» (“eyes”, „оči“).

На основании проанализированного в данном разделе материала можно сделать несколько выводов: для фразеологизмов с директивной функцией характерно использование повелительного наклонения (используется во всех трех фразеологизмах, выделенных в пьесе), которое преимущественно сохраняется и при переводе (в 5 случаях из 6). Из рассмотренных 6 переводов с помощью полного эквивалента фразеологизм переведен лишь один раз (перевод фразеологизма «Чтобы глаза мои тебя не видели!» на сербский язык). Отличительной особенностью ФЕ, выполняющих директивную функцию, является описание оказанного говорящим воздействия: в тексте присутствует иллюстрация результата, который повлекли за собой высказывания героев.

2.6. Группа фразеологизмов, выполняющих функцию номинации действий, и способы их перевода на английский и сербский языки

В рамках данной группы выделены ФЕ, функция которых заключается в назывании действий [Филь 2015: 149]. В некоторых примерах данной группы функция номинации действия сочетается с другими функциями,

обозначенными в работе ранее. Всего к группе относится шесть фразеологических единиц: *вертеться перед глазами, взглянуть правде в глаза, дать на чай, отвести глаза, напрягать мозги, только нас и видели* (что составляет 14% от общего числа выделенных ФЕ).

Фразеологизм «вертеться перед глазами» (36) употребляется во втором действии произведения в значении «своим присутствием назойливо напоминать о себе, надоедать кому-либо» [Молотков 1987]. То есть наряду с номинацией действия рассматриваемая единица содержит в себе элемент негативной оценки.

(36) Вертеться перед глазами
Что такое, постоянно вертишься перед глазами...

В данном эпизоде героев Гаев раздраженно обращается к Яше с претензией, что последний постоянно возникает у него на пути.

(36-ПЯ1) Why is it you keep fidgeting about in front of us!

В английском варианте анализируемый фразеологизм переведен с помощью аналога “to fidget about in front of us” (досл. «беспокойно двигаться перед нами»). Идиоматическое выражение “to fidget about” используется в значении “to compulsively move around in a nervous or restless manner” [The Free Dictionary by Farlex].

(36-ПЯ2) Šta je to, stalno mi se vrtiš pred očima...

В сербском тексте данный фразеологизм воспроизведен методом калькирования, с помощью буквального перевода. Данный перевод ФЕ можно считать удачным благодаря легко считываемой внутренней форме единицы и рождаемому образу, аналогичному русской единице.

Фразеологическая единица «взглянуть [посмотреть] правде [в лицо] в глаза» (37) встречается в третьем действии пьесы в значении «трезво оценивать действительное положение вещей» [Молотков 1987].

(37) Взглянуть правде в глаза
Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни взглянуть правде прямо в глаза.

В данном фрагменте Любовь Андреевна признается Трофимову, что не может поверить в продажу имения. «Вечный студент» Петя Трофимов убеждает Раевскую, что следует перестать надеяться на чудо, т.к. «с ним (имением) уже покончено». Поскольку предложение содержит призыв изменить отношение к ситуации, можно говорить о директивном элементе значения анализируемой единицы.

(37-ПЯ1) You mustn't deceive yourself; for once in your life you must face the truth!

В английском варианте используется нефразеологический перевод данной единицы посредством выражения “to face the truth”. Выбор глагола “to face” в данном контексте представляется оправданным за счёт его внутренней формы (подобно русскому тексту создаётся образ «взгляда на правду»). Однако данное словосочетание является неэкспрессивным и менее образным, чем русский вариант.

(37-ПЯ2) Ne treba se zavaravati, treba bar jednom u životu pogledati istini pravo u oči.

На сербский язык данная ФЕ переведена с помощью полного эквивалента „gledati istini u oči“ в значении, тождественном фразеологизму ИЯ, – „не заваравати се, схватати (схватит) сву збиљу“ [Матица Српска].

ФЕ «давать на чай» (38) встречается в первом действии произведения в значении «вознаграждение за мелкие услуги (гардеробщику, официанту, швейцару и др.)» [Молотков 1987].

(38) Дать на чай

Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и на чай лакеям дает по рублю.

В данном эпизоде Аня рассказывает Варе о поведении Раевской, которая не понимает затруднительное финансовое положение семьи и оставляет прислугам излишне большие чаевые. Несмотря на то, что ФЕ «дать на чай» отражает действие, относящееся к нормам этикета, в речи она не выполняет этикетную функцию, а только называет само действие, и потому не может быть отнесена к параграфу 2.4.

(38-ПЯ1) *When we had dinner at the stations, she always ordered the most expensive things and gave the waiters a whole ruble.*

В английском варианте использован лексический перевод данного фразеологизма с помощью глагола “to give”. Несмотря на наличие в составе ПЯ1 идиоматического выражения “to give a tip/to tip” (“to give someone who has provided you with a service an extra amount of money to thank them [Cambridge Dictionary]), эквивалентного русскому «давать на чай», данное сочетание отсутствует в английском тексте, что, однако, не влияет на общее восприятие смысла.

(38-ПЯ2) *Sedosmo na stanici da ručamo, a ona poručuje najskuplja jela i kelnerima daje po rublju bakšiša.*

В сербском тексте смысл исходной ФЕ передан при помощи частичного эквивалента „davati bakšiš“ („бакшиш“ – „дар, поклон, награда за услуге, заслуге“ [Матица Српска].

Фразеологизм «отвести глаза» (39), который встречается во втором действии пьесы, также относится к анализируемой группе ФЕ и имеет значение «отвлекать внимание кого-либо от чего-либо, вводить в заблуждение, обманывать кого-либо» [Молотков 1987].

(39) *Отвести глаза*

И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы отвести глаза себе и другим.

В данном фрагменте Петя Трофимов критикует положение дел в стране, сетует на бездействие интеллигенции, ведущей философские беседы, которые не влекут за собой никаких положительных изменений.

(39-ПЯ1) *And it's clear all our fine talk is only to divert our attention and other people's.*

В английском варианте используется лексический перевод анализируемой ФЕ с помощью устойчивого сочетания “to divert attention” (досл. «отвлекать внимание»), передающего смысл русской ФЕ, однако обладающего меньшей образностью по сравнению с ней.

(39-ПЯ2) I očigledno svi ovi lepi razgovori kod nas služe samo zato da se замаžu очи i sebi i drugima.

В сербском тексте применяется фразеологический перевод. При переводе исходной ФЕ употребляется фразеологический аналог „zamazati oči (nekome)” (букв. «замазать глаза») в значении „заварати, залагати, умирити неким привидним или небитним излажењем у сусрет“ [Матица Српска].

Фразеологизм «напрягать мозги» (40) используется в первом действии произведения в значении «стараться придумать что-либо, найти решение и т.д.» [Дмитриев 2003].

(40) Напрягать мозги

Если против какой-нибудь болезни предлагается очень много средств, то это значит, что болезнь неизлечима. Я думаю, напрягаю мозги, у меня много средств, очень много и, значит, в сущности ни одного.

В данном эпизоде Гаев обсуждает с Варей, как исправить финансовое положение семьи. Леонид Андреевич признается, что он прилагает множество усилий, чтобы найти способ повлиять на ситуацию. Дополнительная экспрессивность достигается с помощью синонимического ряда, построенного по принципу градации («думаю, напрягаю мозги»).

(40-ПЯ1) If a great many remedies are suggested for some disease, it means that the disease is incurable. I keep thinking and racking my brains; I have many schemes, a great many, and that really means none.

В английском тексте используется полный эквивалент исходной ФЕ. Семантика передана с помощью идиоматического выражения “to rack one’s brain” в значении “to try very hard to think of or remember something” [Cambridge Dictionary].

(40-ПЯ2) Kad se protiv neke bolesti daje mnogo lekova, znači da je bolest neizlečiva. Ja mislim, naprežem mozak, imam mnogo lekova, vrlo mnogo, a to znači, u stvari, da nijedan ne valja.

В сербском варианте также использован полный эквивалент русской единицы – „напрезати мозак“ [Матица српска].

Фразеологизм «только меня [его, ее, нас, вас, их] и видели» (41), который имеет значение «очень быстро, сразу, мгновенно исчезать, скрывать» [Молотков 1987], можно отнести к данной группе с некоторой долей условности.

(41) *Только нас и видели*

Через шесть дней я опять в Париже. Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, только нас и видели.

В четвертом действии произведения герои обсуждают отъезд из России после продажи имения. Яша с радостью воспринимает отъезд в Париж и признается, что не может поверить такому быстрому и внезапному ходу событий.

Если во всех предыдущих ФЕ персонажи и авторы высказывания являются субъектами действий, образно описываемых фразеологизмами (вертеться перед глазами, взглянуть правде в глаза, дать на чай, отвести глаза, напрягать мозги), то пример №41 описывает ситуацию, в которой автор высказывания является объектом действия. С точки зрения семантики персонажи совершают действие (исчезают, быстро уезжают), а с точки зрения компонентного анализа ФЕ действие «совершается» над персонажами (только их и видели).

(41-ПЯ1) *In six days I shall be in Paris again. Tomorrow we shall get into the express train and roll away in a flash.*

В английском тексте данная ФЕ переведена лексическим способом при помощи сочетания “in a flash” («в одно мгновение, мигом»), сохраняющего семантику стремительности за счёт образа вспышки, молнии (“flash”).

(41-ПЯ2) *Za šest dana evo me opet u Parizu. Sutra ćemo sesti u brzi voz, pa kad pojurimo – više nas nećete videti.*

В сербском варианте рассматриваемая единица также переведена нефразеологическим способом (досл. «больше нас не увидите»). В данном случае перевод не является верным, так как семантически выражение в сербском тексте не соответствует значению русской ФЕ.

Таким образом, при переводе фразеологизмов, выполняющих номинации действия функцию в тексте оригинала, в большей части примеров ПЯ1 и ПЯ2 использован нефразеологический перевод (5 из 6 примеров в английском тексте; 3 из 6 – в сербском). В остальных случаях используется фразеологический перевод (метод полного эквивалента или метод аналога).

Следует отметить, что ни к одной из рассмотренных групп не отнесен фразеологизм «(у всех) на глазах» (42), использованный в оригинальном тексте. Во втором действии пьесы данная ФЕ употребляется в значении «так, что видно, заметно, известно и т.п. кому-либо» [Молотков 1987] и выполняет функцию описания обстоятельств происходящего действия.

(42) У всех на глазах

Все серьезны, у всех строгие лица, все говорят только о важном, философствуют, а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота...

В данном эпизоде Трофимов осуждает отношение интеллигенции на положение рабочих в России, ссылаясь на тот факт, что всем известны бедственные условия, в которых приходится жить крестьянам.

(42-ПЯ1) They are all serious people, they all have severe faces, they all talk of weighty matters and air their theories, and yet the vast majority of us – ninety-nine percent – live like savages, at the least thing fly to blows and abuse, eat piggishly, sleep in filth and stuffiness, bugs everywhere, stench and damp and moral impurity.

В английском переводе оригинальная фразеологическая единица опущена; более того – используется вольный перевод данного предложения. В английском переводе отсутствуют указания на сословия, описанные А.П. Чеховым. «Интеллигенция» и «рабочие» сводятся к обобщающему “us”, из которых «рабочие» составляют 99% (*‘ninety-nine percent’*). Данное избегание углубления в специфику русской истории в английском тексте представляется напрасным в связи с пониманием обстоятельств конфликта и противоречий сословий в британской лингвокультуре. Избегая описания

исторических реалий, переводчик, при этом, позволяет себе дополнить английский текст некоторыми не существующими в оригинале деталями ('live like savages, at the least thing fly to blows and abuse').

(42-ПЯ2) Svi su ozbiljni, svi imaju stroga lica, svi govore samo o važnim stvarima, filozofiraju, a međutim svi vide da radnici vrlo rđavo jedu, da spavaju bez jastuka, po trideset, po četrdeset u jednoj sobi, svuda stepenice, smrad, vlaga, moralna prljavština...

В отличие от английского варианта, в сербском тексте использован лексический перевод русского фразеологизма посредством словосочетания „svi vide” (букв. «все видят»).

Выводы по главе 2

Во второй главе исследования был проведен комплексный анализ перевода фразеологизмов в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» на английский и сербский языки, а также осуществлен поиск альтернативных вариантов перевода в случае, когда передача значения исходной ФЕ на иностранный язык не является удачной. По результатам анализа можно сделать следующие выводы:

- 1) Фразеологические единицы, отобранные в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» можно распределить по следующим функциональным группам: 1) ФЕ с оценочной функцией 2) ФЕ с кумулятивной функцией, 3) ФЕ с фатической и этикетной функцией, 4) ФЕ с директивной функцией, 5) ФЕ с функцией номинации действия.
- 2) Функциональное значение ФЕ, использованных в тексте оригинала, сохраняется в ПЯ1 и ПЯ2. Исключение составляют ошибочно понятые и переведенные фразеологизмы (*всякому безобразию есть свое приличие; держи карман, только нас и видели, у всех на глазах*).
- 3) При переводе фразеологизмов на английский и сербский языки используются следующие способы перевода: полный эквивалент, частичный эквивалент, аналог, лексический перевод, калькирование.
- 4) Количество случаев фразеологического перевода единиц на английский язык составляет 18 из 42 (43%), на сербский язык – 22 из 42 (52%). Нефразеологическим способом переведено 24 единицы из 42 (57%) в английском тексте, 20 единиц из 42 (48%) – в сербском. Соотношение способов перевода фразеологизмов на английский и сербский языки представлено в Приложении №1.
- 5) Для целого ряда примеров ФЕ из числа переведенных нефразеологическим способом на языке перевода существует аналог или эквивалент, не использованный переводчиком. В некоторых случаях (например, *как рыба без воды – like a fish out of water; пора и честь знать*

– *vreme je da idete*) такая тенденция представляется оправданной. Тем не менее, в большинстве случаев вариант фразеологического перевода представляется более адекватным и в большей степени передает стилистическое, функционально-семантическое значение единицы оригинала.

- б) Случаи, при которых предпочтение отдается нефразеологическим средствам перевода русских ФЕ, оказались характерными именно для английского текста (*the business is done; if you're in the pack, you must bark with the rest; there's a right and a wrong way of doing everything!; it will be well in time for your wedding day; oh, don't; it's time to say good-bye; the Kingdom of Heaven be hers; gave the waiters a whole ruble*). При анализе сербского перевода не встретился ни один пример нефразеологической передачи русской ФЕ при наличии в языке аналога или эквивалента рассматриваемой единицы. В том числе такая особенность объясняется родственностью русской и сербской лингвокультур (так, например, ФЕ, связанные с церковной или духовной тематикой близки в русском и сербском языке; соответственно выбор варианта перевода русской единицы может быть более очевидным, чем в английском языке).
- 7) Некоторое превалирование вариантов адекватного перевода русских ФЕ на сербский язык связано с близостью славянских языков и рассматриваемых лингвокультур.
- 8) В случаях окказионального употребления ФЕ А.П. Чеховым, фразеологический перевод единицы с помощью аналога или эквивалента, а также методом калькирования не является достаточным для сохранения стиля автора (*двадцать два несчастья – two and twenty misfortunes; dvadeset dva malera; как рыба без воды – like a fish out of water*). Перевод окказиональных фразеологизмов в тексте А.П. Чехова требует более комплексного подхода и создания окказионализмов в языке перевода.

9) Наибольшую сложность для фразеологического перевода составляют единицы, относящиеся к группе ФЕ с кумулятивной функцией, что обусловлено национально-коннотированной спецификой исходных ФЕ.

Заключение

В настоящей работе представлены результаты исследования способов и специфики перевода фразеологических единиц в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад» на английский и сербский языки с точки зрения функционально-семантической и стилистической точности.

Фразеология представляет собой одну из наиболее популярных и активно развивающихся областей лингвистики. Фразеологические единицы, под которыми понимаются относительно устойчивые, отдельно оформленные единицы языка, обладающие целостным или общеаналитическим значением, а также эмоционально-экспрессивной выразительностью, – зачастую являют собой наибольшую сложность для переводчика.

Комическое и трагическое в произведениях А.П. Чехова во многом формируется именно за счет фразеологизмов, а также их нестандартного использования. Фразеологический фонд сочинений Чехова богат авторскими устойчивыми выражениями, игрой слов, разнообразием функций (в работе выделяются оценочная, директивная, кумулятивная, фатическая, этикетная, а также функция номинации действий). За счет этого пьесы автора воспринимаются как «сложные» произведения для перевода на иностранные языки. Подтверждения возникающим затруднениям были выявлены в ходе исследования способов перевода фразеологизмов рассматриваемой пьесы на английский и сербский языки.

Предпочтительным принципом перевода фразеологических единиц на иностранный язык является поиск фразеологического эквивалента, что далеко не всегда достигается в рассматриваемых переводах – порой даже при наличии эквивалентной единицы в языке перевода. Злоупотребление нефразеологическим переводом устойчивых единиц, даже при сохранении функционально-семантических параметров оригинала, может быть критическим для воссоздания художественного стиля писателя.

Сравнительный анализ способов перевода русских фразеологизмов на языки, принадлежащие к разным группам, позволяет более ярко определить некоторые специфические черты перевода для каждого языка. Так, превалирование вариантов адекватного перевода русских фразеологизмов на сербский язык объясняется близостью славянских языков и рассматриваемых лингвокультур.

В связи с недостаточной изученностью специфики перевода фразеологического состава произведений А.П. Чехова, в дальнейшем представляется актуальным провести аналогичный анализ на основе иных произведений автора с привлечением материала других языков.

Список использованной литературы

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1963. – 208 с.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1973. – 304 с.
3. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. – 295 с.
4. Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре – Л.: Современная русская лексикография, 1977.
5. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Государственное издательство иностранной литературы, 1961. – 394 с.
6. Божович З. Проза Чехова и сербская литература: Обзор / Пер. Л. О. Чернейко // Чехов и мировая литература / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – С. 195-238.
7. Бурнос И.В. Русские концепты «душа», «дух», «ум» в сопоставлении с английскими “mind”, “soul”, “spirit” [Текст]: дис.....канд. фил. наук: Санкт-Петербург, 2001. – 163 с.
8. Быстрова Т.Е. Фразеологизмы в ранних фельетонах А.П.Чехова «Осколки московской жизни» // Филологические науки, 2017. С.67-71.
9. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1983. – 268 с.
10. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
11. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе: учебное пособие. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с.
12. Гужанов С.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в ранней публицистике А.П. Чехова // Вестник

- Житомирского государственного университета им. И. Франко. – Житомир, 2004. Вып. 18. С. 103-107.
13. Добровольский Д.О. Типология идиом. Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990.
14. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. – Л.: ЛГУ, 1981. – 111 с.
15. Кунин А.В. Курс фразеологии английского языка. – М.: Высшая школа, 1996. – 381 с.
16. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Серия филологич. наук, 1956. № 198., вып. 24.
17. Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание. [Текст]: дис.....д-ра. фил. наук. – Санкт-Петербург, 2015.
18. Мирзабаева А.М. Переводы произведений Чехова на иностранные языки // Молодой ученый, 2015. № 4 (84). С. 787-792
19. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. 2-е издание, переработ. – СПб.: «Авалон», «Азбука классика», 2005. – 256 с.
20. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 283 с.
21. Найда Ю. К науке переводить // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: Международные отношения, 1978. – 118-119.
22. Нарушевич, А. Г, Бак, Х. Окказиональное употребление фразеологизмов в рассказах А. П. Чехова // Гуманитарная парадигма, 2020. № 2. С. 18-25.
23. Ренская Т.В. Камерная фразеология в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Особенности языка и стиля Л.Н. Толстого. – Тула, 1990.
24. Розейзон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд: СамГУ, 1977. – 119 с.
25. РЭ – Русский язык. Энциклопедия. – М.: научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. – 722 с.

26. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. – 269 с.
27. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты. – М.: Школа «Языки русской литературы», 1996. – 287 с.
28. Паперный З.С., Полоцкая Э.А., Розенблюм Л.М. Том 100: Чехов и мировая литература. Кн. 1 / РАН. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького; Ред.-сост.; Отв. ред. Л.М. Розенблюм; — М.: Наука, 1997. — 639 с.
29. Филь Ю.В. Об особенностях номинации действия в русском и чешском языках // Библиотека журнала «Русин», 2015. – С. 147-158.
30. Чехов А.П. Письма, январь 1890 — февраль 1892. [Текст]: в 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974-1983.
31. Чехов А. П. Письмо Васильевой О. Р., 9 августа 1900 г. Ялта // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1980.
32. Чехов А. П. Письмо Тихонову В. А., 22 февраля 1892 г. Москва // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974-1983.
33. Чехова А.П. Сочинения. Том двенадцатый. Пьесы (1889-1891). – М.: Издательство «Наука», 1978. – 526 с.
34. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Русский язык и литература». 4-е изд, испр. и доп. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
35. Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык. – М.: Просвещение, 1987. – 192 с.
36. Шерешевская М. А., Литаврина М. Г. Чехов в английской критике и литературоведении // Чехов и мировая литература: В 3 кн. / Ред.-сост. З. С. Паперный, Э. А. Полоцкая; Отв. ред. Л. М. Розенблюм. – М.: Наука, 1997. – С. 406-453.

37. Bennet A. The journal of Arnold Bennett (1896-1928). – New York: Garden City publishing Company, 1933. P. 320.
38. Brown C. All or nothing // Spectator, 1970. V. 224. P. 380.
39. Srpska književna zadruga. – Beograd: Srpska književna zadruga, 1909. № 3. S. 24
40. Letters of Anton Chekhov to his family and friends (tr. from the Russian by Constance Garnett). – New York: Macmillan Company, 1920.
41. Long R.E.C. Anton Tchekhoff // The Fortnightly review, 1902. V. 78. P. 103-118.
42. Moon R. “There is Reason in the Roasting of Eggs”: a Consideration of Fixed Expressions in Native-Speaker Dictionaries // EURALEX’92 I-II. Proceedings / Ed. by H. Tommola et al. Tampere, 1992.
43. Murry J.M. Fyodor Dostoevsky: A Critical Study. – London: Secker, 1916. P. 23.
44. Pogodin A. Russko-srpska bibliografija – Beograd: Kn. I. D. 1., 1932. – S. 250.
45. Tchekhoff A. “Plays by Anton Tchekhoff: Uncle Vanya, Ivanoff, The seagull, The swan song”. (Tr. from the Russian, with an intr. by Marian Fell). – New York: Kessinger Publishing, 1912. – P. 242.
46. Teklić S. K proslavi Shakespeareove tristogodisnjice // Bibliografija rasprava i članaka, 1916. S. 758.
47. Miličević Ž. Tvorci i tumači. – Beograd: Subotica, 1958. S. 172.
48. Teklić S. Hrvatsko kazalište. Trešnjik // Hrvatska. Zagreb, 1916. Br. 1326. S. 3.
49. Swinnerton F. An autobiography. – New York: Garden City, Doubleday, 1936. P. 127-128
50. Chekhov A. The steppe and other stories (Tr. by Adeline Lister Kaye). – New York: Frederick A. Stokes, 1915.
51. Josephson M. The personal papers of Anton Chekhov // New York, 1948.

52. Lederer S. The selected letters of Anton Chekhov. – New York: Lillian Heilman, 1955.
53. “The Athenaeum”, 1889. №3219, July 6. – P.26-28.

Список использованных словарей

1. Большой толково-фразеологический словарь русского языка под редакцией М.И. Михельсон / Издательство: М.: ЭТС
2. Русско-английский фразеологический словарь / Д.И. Квеселевич. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа; Дрофа, 2009.
3. Словарь русского речевого этикета / Балакай А.Г. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. – 672 с.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – 3-е изд., испр. - Москва : АСТ : Астрель, 2008.
5. Фразеологический словарь русского языка: Свыше 4000 словарных единиц/ Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. Яз., 1987.
6. Фразеолошки речник српског језика / Ђорђе Оташевић. – Нови Сад ; Прометеј, 2012.
7. Cambridge Advanced Learner's Dictionary: [сайт]. URL:
8. <http://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.05.2022)
Merriam-Webster Online: [сайт]. URL: <http://www.merriam-webster.com/>
(дата обращения: 10.05.2022)
9. Oxford Learner's Dictionaries: [сайт]. URL:
<https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 10.05.2022)
10. Речник савременог српског књижевног језика Матице српске [сайт].
URL: <http://srpskijezik.com/> (дата обращения: 10.05.2022)

Приложение №1

Рисунок №1 и Рисунок №2 демонстрируют процентное соотношение способов перевода фразеологизмов пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад» на английский и сербский языки.

Рисунок №1



Рисунок №2



Приложение №2

Приложение №2 содержит список фразеологических единиц, отобранных в качестве материала в пьесе «Вишневый сад», их перевод на английский и сербский языки (с указанием страниц).

ИЯ (русский язык)	ПЯ1 (английский язык)	ПЯ2 (сербский язык)
Бога не бояться – с.42 <i>Леонид Андреич, <u>бога вы не боитесь!</u></i>	to have no fear of God – с.43 <i>Leonid Andreyevitch, <u>have you no fear of God?</u></i>	šta je (kome) – с.43 <i>Leonide Andrejeviču, <u>šta vam je!</u></i>
выводить из терпения – с.44 <i>Выводят только из терпения.</i>	to put out of patience – с.44 <i>They put me out of all patience!</i>	dodijati – с.44 <i>E baš mi je <u>dodijala!</u></i>
идти на дно – с.45 <i>Это камень на моей шее, я <u>иду с ним на дно</u>, но я люблю этот камень и жить без него не могу.</i>	to go to the bottom with smth – с.45 <i>He's a millstone about my neck, I'm <u>going to the bottom with him</u>, but I love that stone and can't live without it.</i>	tonuti – с.45 <i>To mi je kamen o vratu, ja <u>tonem s njim</u>, ali ja volim taj kamen i ne mogu bez njega živeti.</i>
камень на шее – с.45 <i>Это <u>камень на моей шее</u>, я <u>иду с ним на дно</u>, но я люблю этот камень и жить без него не могу.</i>	a millstone about my neck – с.45 <i>He's a <u>millstone about my neck</u>, I'm <u>going to the bottom with him</u>, but I love that stone and can't live without it.</i>	kamen o vratu – с.45 <i>To mi je <u>kamen o vratu</u>, ja <u>tonem s njim</u>, ali ja volim taj kamen i ne mogu bez njega živeti.</i>
не ваше дело – с.46	that's not your business – с.46	šta se to vas tiče? – с.46
не в своем уме – с.47 <i>Скажите мне, что я пьян, <u>не в своем уме</u>, что все это мне представляется...</i>	to be out of mind – с.47 <i>Tell me that I'm drunk, that <u>I'm out of my mind</u>, that it's all a dream</i>	ne biti pri čistoj svesti – с.47 <i>Recite mi da sam pijan, <u>da nisam pri čistoj svesti</u>, da mi se sve to pričinjava...</i>
нос драть – с.47	to turn up one's nose – с.48	dići (podići, izdići) nos – с.48

<p>Так вот я, говорю, заработал сорок тысяч и, значит, предлагаю тебе займы, потому что могу. Зачем же нос драть?</p>	<p><i>So here, as I say, I made forty thousand, and I'm offering you a loan because I can afford to. <u>Why turn up your nose?</u></i></p>	<p><i>Ja sam, velim, zaradio četrdeset hiljada i, prema tome, nudim ti na zajam, zato što mogu. A što si ti <u>digao nos?</u></i></p>
<p>сходить с ума – с.48 <i>Да вы с ума сошли!</i></p>	<p>to be out of mind – с.49 <i>Why, you must be <u>out of your mind!</u></i></p>	<p>poludeti – с.49 <i>Vi ste <u>poludeli!</u></i></p>
<p>свалить дурака – с.49 <i>Я-то хорош, <u>какого дурака сваял!</u></i></p>	<p>to be a fool – с.49 <i>I'm a pretty one; <u>what a fool I've been.</u></i></p>	<p>ispasti budala – с.50 <i>A i ja sam krasan, <u>baš sam ispaо budala!</u></i></p>
<p>со свиным рылом в калашный ряд – с.50 <i>Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башмаках. <u>Со свиным рылом в калашный ряд...</u></i></p>	<p>like a pig in a bun shop – с.50 <i>My father was a peasant, it's true, but here am I in a white waistcoat and brown shoes, <u>like a pig in a bun shop.</u></i></p>	<p>našla se svinja u čem nije bila – с.51 <i>Otac mi je, istina, bio seljak, a ja sam, eto, u belom prsluku, u žutim cipelama. <u>Našla se svinja u čem nije bila...</u></i></p>
<p>сорить деньгами – с.51 <i>Сестра не отвыкла еще <u>сорить деньгами.</u></i></p>	<p>to fling away one's money – с.51 <i>Sister hasn't got out of the habit of <u>flinging away her money.</u></i></p>	<p>bacati novac – с.51 <i>Sestra se još nije <u>odlučila da baca novac.</u></i></p>
<p>тяжело на душе – с.52 <i>У меня сегодня тяжело на душе, вы не можете себе представить...</i></p>	<p>a heavy heart – с.52 <i><u>My heart is so heavy today, it's so noisy here</u></i></p>	<p>teško je nekome na duši – с.52 <i>Danas mi je <u>teško na duši, vi to ne možete zamisliti</u></i></p>
<p>двадцать два несчастья – с.53</p>	<p>two and twenty misfortunes – с.53</p>	<p>dvadeset dva malera – с.53</p>
<p>дело в шляпе – с.54 <i>Вот так и будем действовать с трех концов — <u>и дело наше в шляпе.</u></i></p>	<p>business is done – с.54 <i>So we shall all set to work in three direction at once, <u>and the business is done.</u></i></p>	<p>stvar u redu – с.54 <i>Eto tako ćemo raditi na tri strane – <u>i stvar u redu.</u></i></p>
<p>снять камень с груди – с.54</p>	<p>to cast off the burden – с.55 <i>If I could <u>cast off the burden that weighs on my heart, if I could forget the past!</u></i></p>	<p>skinuti s grudi i s pleća teški kamen – с.55</p>

<i>Если бы снять с груди и с плеч моих тяжёлый камень, если бы я могла забыть мое прошлое!</i>		<i>Da mi je skinuti s grudi i s pleća teški kamen, da mi je zaboraviti prošlost.</i>
как рыба без воды – с.56 <i>Она привыкла рано вставать и работать, и теперь без труда она как рыба без воды.</i>	like a fish out of water – с.57 <i>She is used to getting up early and working; and now, without work, she's like a fish out of water.</i>	kao riba bez vode – с.57 <i>Ona je naučila da rano ustaje i da radi, i sad je, bez posla, kao riba bez vode.</i>
молодо-зелено – с.57	foolish young things – с.58	mladozeleno – с.58
русским языком говорить – с.58 <i>Вам говорят <u>русским языком</u>, имение ваше продается, а вы точно не понимаете.</i>	in plain Russian – с.59 <i>One tells you <u>in plain Russian</u> your estate is going to be sold, and you seem not to understand it.</i>	govoriti prosto i jasno – с.59 <i>Govori vam se <u>prosto i jasno</u>: vaše se imanje prodaje, a vi kao da ne razumete.</i>
попал в стаю, лай не лай, а хвостом виляй – с.59	if you're in the pack, you must bark with the rest. – с. 60	u kakvo se kolo uhvatiš, u onakvom i igraj – с. 60
голодная собака верует только в мясо – с.61	a hungry dog believes in nothing but meat – с.61	gladno pseto veruje samo u meso – с.61
всему на этом свете бывает конец – с.61	Everything in this world must have an end – с.61	Sve ima svoj kraj – с.61
всякому безобразию есть свое приличие – с.62	There's a right and a wrong way of doing everything! – с.62	svaka svinjarija mora da ima svojih granica – с.62
до свадьбы заживет – с.63 <i>«Не плачь, говорит, мужичок, <u>до свадьбы заживет...</u>»</i>	it will be well in time for your wedding day – с.63 <i>“Don't cry, little peasant,” says she, “<u>it will be well in time for your wedding day</u>”</i>	proći – с.63 <i>„Ne plači – veli – seljačiću, <u>proći će...</u>”</i>
Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними] – с.64	to bless somebody – с.65 <i>Bless the man, it makes me miserable to see him...</i>	neka ide s milim Bogom – с.65 <i>Neka ide s milim bogom, teško mi je i da ga gledam..</i>

<i>Бог с ним совсем, тяжело мне его видеть.</i>		
Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними] – с.65 <i>Господь с вами, мамочка.</i>	Oh, don't, mamma! – с.65	Bog s vama, mamice. – с.66
Бог [Христос, Господь] с тобой [с ним, с ней, с вами, с ними] – с.66 <i>Господь с тобой. Как ты похожа на свою мать!</i>	God bless you! – с.66 <i>God bless you! How like you are to your mother!</i>	Neka ti je bog u pomoći – с.66 <i>Neka ti je bog u pomoći! Kako ličiš na majku!</i>
Бога ради – с.67 <i>Простите за откровенность бога ради</i>	for God's sake – с.67 <i>For God's sake forgive my frankness</i>	tako vam boga – с.67 <i>Oprostite mi što ću biti iskren, tako vam boga</i>
видит Бог – с.67 <i>Видит бог, я люблю родину, люблю нежно...</i>	God knows – с.67 <i>God knows I love my country, I love it tenderly...</i>	Bog mi je svedok – с.67 <i>Bog mi je svedok, ja volim otadžbinu, volim je nežno...</i>
Боже мой – с.68 <i>Боже мой, господи, вишневый сад мой!</i>	My God – с.68 <i>My God, the cherry orchard's mine!</i>	Gospode bože – с.68 <i>Gospode bože, višnjik je moj!</i>
не дай Бог – с.68 <i>Не дай бог, застрелится.</i>	God grant – с.69 <i>God grant he doesn't shoot himself!</i>	ne dao bog – с.69 <i>Ne dao bog, ubiće se.</i>
пора и честь знать – с.69 <i>Третий час, пора и честь знать.</i>	it's time to say good-bye – с.69 <i>It's three o'clock and time to say good-bye.</i>	vreme je da idete – с.69 <i>Skoro će tri sata, vreme je da idete.</i>
Царствие Небесное – с.70	the Kingdom of Heaven (be hers) – с.70	bog da (joj) dušu prosti – с.71
держи карман – с.72	let him wait till he gets it – с.72	...ako mu ne treba – с.72
чтобы духу твоего здесь не было – с.73	take yourself off! – с.73	da nisi više ovamo ni privirio! – с.74

чтобы глаза мои тебя не видели – с.74	don't let me set eyes on you – c.74	da te moje oči više ne vide! – c.74
вертеться перед глазами – с.76 <i>Что такое, постоянно <u>вертишься</u> перед глазами...</i>	to fidget about in front of us – c.76 <i>Why is it you <u>keep fidgeting about in front of us!</u></i>	vrteti se pred očima – c.76 <i>Šta je to, stalno mi <u>se vrtiš pred očima...</u></i>
взглянуть правде в глаза – с.76 <i>Не надо обманывать себя, надо хоть раз в жизни <u>взглянуть правде</u> прямо в глаза.</i>	to face the truth – c.76 <i>You mustn't deceive yourself; for once in your life you must <u>face the truth!</u></i>	pogledati istini pravo u oči – c.77 <i>Ne treba se zavaravati, treba bar jednom u životu <u>pogledati istini pravo u oči.</u></i>
дать на чай – с.77 <i>Сядем на вокзале обедать, и она требует самое дорогое и <u>на чай</u> лакеям <u>дает</u> по рублю.</i>	to give – c.77 <i>When we had dinner at the stations, she always ordered the most expensive things and <u>gave</u> the waiters a whole ruble.</i>	davati bakšiš – c.78 <i>Sedosmo na stanici da ručamo, a ona poručuje najskuplja jela i kelnerima <u>daje</u> po rublju <u>bakšiša.</u></i>
отвести глаза – с.78 <i>И, очевидно, все хорошие разговоры у нас для того только, чтобы <u>отвести</u> глаза себе и другим.</i>	to divert our attention and other people's – c.78 <i>And it's clear all our fine talk is only <u>to divert our attention and other people's.</u></i>	zamazati oči (nekome) – c.78 <i>I očigledno svi ovi lepi razgovori kod nas služe samo zato <u>da se zamažu oči i sebi i drugima.</u></i>
напрягать мозги – с.79 <i>Я думаю, <u>напрягаю</u> мозги, у меня много средств, очень много и, значит, в сущности ни одного.</i>	to rack one's brain – c.79 <i>I keep thinking and <u>racking my brains</u>; I have many schemes, a great many, and that really means none.</i>	naprezati mozak – c.79 <i>Ja mislim, <u>naprežem</u> mozak, imam mnogo lekova, vrlo mnogo, a to znači, u stvari, da nijedan ne valja.</i>
только нас и видели – с.79 <i>Завтра сядем в курьерский поезд и закатим, <u>только нас и видели.</u></i>	in a flash – c.80 <i>Tomorrow we shall get into the express train and roll away <u>in a flash.</u></i>	više nas nećete videti – c.80 <i>Sutra ćemo sesti u brzi voz, pa kad pojurimo – <u>više nas nećete videti.</u></i>
у всех на глазах – с.81	---- – c.81	svi vide – c.81

<i>... а между тем у всех на глазах рабочие едят отвратительно.</i>	<i>and yet the vast majority of us – ninety- nine percent – live like savages <...> eat piggishly.</i>	<i>a međutim svi vide da radnici vrlo rđavo jedu.</i>
---	--	---